Изданіе редакціи „Освобожденія“

Матеріалы по университетскому вопросу

Выпускъ второй

ДОКЛАДЪ КОМИССІИ

избранной

Совѣтомъ Московскаго Университета

28-го февраля 1901 года

для выясненія

причинъ студенческихъ волненій

и мѣръ

къ упорядоченію университетской жизни

Цѣна 2 марки

Stuttgart
Verlag und Druck von J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.)
1904

„Прок 49“

Содержаніе.

Стр.

Предисловіе ред. „Освобожденія“ IV

Докладъ Комиссіи . . . . . 1—64

I. Введеніе 1

Историческій очеркъ студенческихъ волненій 1

Дѣятельность Совѣтской Комиссіи 28-го февраля 9

II. Причины студенческихъ волненій 12

Заявленія студентовъ 12

Настроеніе студентовъ 14

Экономическое положеніе студентовъ 17

Заявленія и мнѣнія профессоровъ 19

Мнѣніе Комиссіи о причинахъ безпорядковъ 25

III. Мѣры для устраненія и предупрежденія студенческихъ волненій . . . 27

Заявленія студентовъ 27

Мнѣнія профессоровъ 33

Мнѣніе Комиссіи 36

Студенческія организаціи 39

Судъ надъ студентами 43

Инспекція 48

Свобода слушанія лекцій 53

Компетенція Совѣта университета 55

Заключеніе Комиссіи 59

Приложенія.

Предложеніе Г. Попечителя Учебнаго Округа отъ 2 марта 1901 г. 60

Циркуляръ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 21 іюля 1899 г. 60

Записка проф. К. А. Андреева о свободѣ слушанія лекцій въ университетѣ 62

Предисловіе.

Мы публикуемъ предлагаемый докладъ Комиссіи Московскаго Университета, напечатанный въ Россіи „на правахъ рукописи“ и недоступный широкой публикѣ, какъ документальный матеріалъ по университетскому вопросу. Въ дальнѣйшихъ выпускахъ нашихъ „Матеріаловъ“ представится случай критически разсмотрѣть точку зрѣнія и доводы настоящаго доклада. Повторяемъ просьбу, обращенную нами уже не разъ къ друзьямъ „Освобожденія“, поскорѣе доставить намъ второй докладъ московскихъ профессоровъ, относящійся къ осени того же 1901 года, а также вообще всякіе другіе матеріалы по университетскому вопросу.

Ред. „Освобожденія“.

I. Введеніе.

Историческій очеркъ студенческихъ волненій. Исполняя порученіе Совѣта Московскаго университета изслѣдовать причины происшедшихъ въ нынѣшнемъ году студенческихъ волненій и указать мѣры противъ повторенія подобныхъ явленій, Комиссія считаетъ необходимымъ бросить взглядъ назадъ, на предшествовавшіе университетскіе безпорядки. Комиссія полагаетъ, что уже изъ этого краткаго обзора фактовъ, нарушавшихъ нормальное теченіе университетской жизни, обнаружатся двѣ главнѣйшія причины нашихъ неурядицъ.

Студенты нашего университета не разъ приходили въ волненіе въ теченіе послѣдняго полувѣка. Но долгое время такія волненія имѣли чисто случайный характеръ; они вызывались какимъ-нибудь неожиданнымъ событіемъ или какой-нибудь мѣрой, стѣснявшей университетскую молодежь. Такъ первое волненіе въ Московскомъ университетѣ въ сентябрѣ 1857 г. было вызвано случайнымъ столкновеніемъ между полиціей и кучкой студентовъ, собравшихся на вечеринку и не хотѣвшихъ впустить полицію. Слѣдствіемъ этого было то, что студенты были насильно отведены въ кварталъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были ранены. Вѣсть объ этомъ на слѣдующее утро облетѣла аудиторіи и вызвала сходки въ университетскомъ саду и депутаціи къ ректору и попечителю. Спокойствіе было скоро возстановлено, и волненіе окончилось отеческимъ выговоромъ ректора Альфонскаго членамъ депутаціи. Волненіе быстро прекратилось, благодаря внимательному и предупредительному отношенію университетскаго начальства къ возбужденной молодежи и тому, что старшіе курсы овладѣли движеніемъ.

Болѣе продолжительны и серьезны были слѣдующіе безпорядки 1861 г., вызванные введеніемъ матрикулъ и постановкой желѣзной рѣшетки въ вестибюлѣ новаго университета. Безпорядки, какъ, вѣроятно, еще помнятъ нѣкоторые члены Совѣта, тогда впервые перешли на улицу и привели къ столкновенію съ полиціей, не имѣвшему печальныхъ послѣдствій. Скоро улеглись безпорядки, унесшіе съ собой и матрикулы, и самую рѣшетку въ преддверіи къ университету.

Совсѣмъ иной характеръ приняли впослѣдствіи университетскіе безпорядки.

Въ послѣднія полтора десятилѣтія студенческія волненія стали обычнымъ, почти ежегоднымъ явленіемъ въ жизни Московскаго университета. Годы, прошедшіе совершенно спокойно, безъ студенческихъ сходокъ и экстренныхъ засѣданій правленія по поводу ихъ, можно считать исключительными. Изъ 14 академическихъ годовъ, протекшихъ съ сентября 1887 года, такими необычайными мирными годами можно признать развѣ только пять (1888—1889, 1891—1892, 1892—1893, 1897—1898 и 1899—1900). На остальныя 9 лѣтъ можно

насчитать до восьми болѣе или менѣе крупныхъ студенческихъ „исторій“, не принимая въ счетъ минутныхъ вспышекъ, погасавшихъ безъ серьезныхъ послѣдствій.

Столь напряженная практика установила въ ходѣ самыхъ безпорядковъ извѣстный порядокъ, своего рода рутину. Поводы были довольно разнообразны; наиболѣе обычными служили либо недовольство инспекторомъ или какимъ-либо профессоромъ, или панихида по какомъ-либо популярномъ писателѣ, какъ было въ 1890 и 1891 гг., или по жертвамъ Ходынскаго несчастія 1896 г., наконецъ, безпорядки, происшедшіе въ другихъ университетахъ, какъ было въ 1899 и текущемъ году. Такимъ образомъ, по началу своему студенческіе безпорядки могутъ быть раздѣлены на два разряда: это — или волненія, вызванныя со стороны чѣмъ-либо, возбудившимъ тревогу или недовольство въ средѣ студентовъ, либо демонстраціи, предпринятыя ими при подвернувшемся случаѣ по собственному побужденію для заявленія своихъ чувствъ и требованій, обращенныхъ къ начальству. Но независимо отъ начальнаго повода дальнѣйшій ходъ дѣла былъ довольно однообразенъ. Возникшее движеніе вело прежде всего къ сходкѣ въ оградѣ университета или внѣ его. Сходка, достигнувъ извѣстныхъ размѣровъ и болѣе или менѣе бурнаго развитія, вызывала вмѣшательство полиціи, аресты, судъ правленія, наказанія, высылки. Заступничество за потерпѣвшихъ товарищей вело къ новой сходкѣ съ новыми требованіями, съ депутаціями къ ректору, иногда съ уличными побоищами и всегда съ новыми жертвами: правленіе опять судило, полиція опять арестовывала и высылала и такъ далѣе въ установленномъ порядкѣ. Такъ безпорядокъ питался самъ собой, своими собственными послѣдствіями. По временамъ движеніе нѣсколько разнообразилось: моменты его отступали отъ своей обычной очереди, самыя формы измѣнялись или осложнялись; такъ, въ послѣдніе годы къ сходкамъ присоединились забастовки. Но характеръ и результаты волненій отъ того измѣнялись мало: студенчество приходило въ крайне возбужденное состояніе, аудиторіи рѣдѣли или совсѣмъ пустѣли, цѣлые семестры пропадали для учащихъ и учащихся, большее или меньшее количество студентовъ волей или неволей уходило изъ университета.

Вотъ извлеченныя изъ дѣлъ канцеляріи инспекціи свѣдѣнія о числѣ студентовъ, уволенныхъ изъ Московскаго университета въ 1887—1899 гг. за участіе въ безпорядкахъ: I. по постановленіямъ правленія и II. вслѣдствіе ареста и административной высылки:

	I.	II.
Ноябрь 1887 г.	57	36
Мартъ 1890 г.	454	111
Апрѣль 1891 г.	14	16
Ноябрь и декабрь 1894 г.	3	49
Ноябрь 1896 г.	26	97
Февраль и мартъ 1899 г.	840	199
	1394	508

Эти цифры довольно наглядно показываютъ и стоимость студенческихъ безпорядковъ, и практическое дѣйствіе мѣръ, какія противъ нихъ были направляемы.

Въ этихъ безпорядкахъ обнаружились явленія, которыя представляются немаловажными въ виду задачъ, возложенныхъ на Комиссію. Это, во-первыхъ, отношеніе профессорской коллегіи къ студенческимъ безпорядкамъ, а, во-вторыхъ, нѣкоторыя особенности студенческой среды, вскрывавшіяся во время и подъ вліяніемъ безпорядковъ.

Профессорскую коллегію на оффиціальномъ засѣданіи Совѣта или въ особомъ собраніи профессоровъ иногда оповѣщали о ходѣ безпорядковъ и даже призывали къ активному участію въ борьбѣ съ ними. Чувствовали, что въ этой борьбѣ трудно обойтись безъ помощи нравственнаго воздѣйствія профессоровъ на учащуюся молодежь. Когда безпорядки, вызванные оскорбленіемъ инспектора Брызгалова, разгорѣлись, и въ ноябрѣ 1887 г. чтеніе лекцій въ Московскомъ университетѣ съ Высочайшаго разрѣшенія было пріостановлено, возникъ вопросъ, безопасно ли возобновлять прерванныя въ университетѣ учебныя занятія въ предстоявшее весеннее полугодіе 1888 г. и когда именно безопасно ихъ возобновить. Министерство Народнаго Просвѣщенія предполагало отсрочить открытіе занятій до марта съ тѣмъ, чтобы продолжать ихъ до 15 іюля. Но при этомъ Министерство полагало, что если бы профессора, коимъ „ближе можетъ быть извѣстно настроеніе учащагося юношества и на которыхъ, какъ на наставникахъ онаго ближайшимъ образомъ лежитъ священная обязанность направить своихъ слушателей къ началамъ порядка и благоразумія, признали возможнымъ возобновить занятія до предположеннаго срока съ увѣренностью, что спокойствіе не будетъ нарушено“, то занятія могли бы быть возобновлены постепенно до 1-го февраля (Предложеніе Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 31 декабря 1887 г.). Два факультета прямо отказали въ выраженіи такой увѣренности, третій уклонился отъ отвѣта, а четвертый выразилъ увѣренность, какъ довѣріе къ благонравію и благоразумію значительнаго большинства студентовъ, и студенты оправдали это довѣріе. Послѣ того въ прочитанномъ Совѣту предложеніи министра говорилось, что „при устроеніи университетскаго быта на основаніи устава 1884 года Министерство Народнаго Просвѣщенія руководилось тѣмъ убѣжденіемъ, что между преподавателями университетовъ и студентами должна существовать крѣпкая нравственная связь и постоянное общеніе“. Съ этою цѣлью расширены практическія занятія и введены совѣщательные часы, дающіе возможность студентамъ обращаться съ своими недоразумѣніями и вопросами къ преподавателю. Министерство указывало, что, пользуясь этими средствами научнаго общенія съ юношествомъ, преподаватели могутъ разъяснить ему его обязанности и долгъ предъ университетомъ и отечествомъ. Министерство признавало „священнымъ долгомъ убѣдительнѣйше просить профессоровъ и преподавателей Московскаго университета употребить всѣ зависящія отъ нихъ средства для воздѣйствія въ добрую на студентовъ сторону“, и прибавляло, что Московскій университетъ, старѣйшее высшее учебное заведеніе въ Имперіи и во многихъ отношеніяхъ, особенно по своимъ научнымп силамъ, „одинъ изъ первенствующихъ университетовъ въ Россіи, долженъ возвышаться надъ другими учебными заведеніями не только достоинствомъ своихъ научныхъ силъ, но и нравственной развитостью своихъ студентовъ“.

Въ заключеніе Министерство выражало увѣренность, что преподавательскій составъ университета всѣми силами своими будетъ содѣйствовать водворенію спокойствія и предотвратитъ то печальное положеніе, въ коемъ могутъ оказаться и студенты, да и сами преподаватели при болѣе или менѣе продолжительномъ закрытіи университета въ случаѣ возобновленія безпорядковъ. Въ засѣданіи 26-го марта 1888 г. 39 профессоровъ обратились къ ректору съ просьбой предложить на обсужденіе Совѣта составленный ими отвѣтъ на это предложеніе министра. Изъ этихъ 39 профессоровъ 21 доселѣ состоятъ членами Совѣта и, конечно, хорошо помнятъ этотъ необычный случай. Въ отвѣтѣ, подтверждая уже выраженную полную готовность содѣйствовать успокоенію студентовъ, профессора заявили, что они „въ своихъ усиліяхъ къ поддержанію спокойнаго теченія университетскихъ занятій руководятся единственно сознаніемъ нравственнаго и служебнаго долга и что всякія соображенія о печальномъ положеніи, въ коемъ могутъ оказаться преподаватели въ случаѣ возобновленія безпорядковъ, они отстраняютъ отъ себя, находя, что побужденія личнаго интереса къ исполненію этого долга несовмѣстны ни съ ихъ честью, ни съ достоинствомъ того учрежденія, которому они служатъ“. Совѣтъ единогласно принялъ этотъ отвѣтъ.

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ въ ходѣ тогдашнихъ университетскихъ событій другой случай. Еще раньше изложеннаго мартовскаго отвѣта Совѣта на предложеніе министра, на засѣданіи 5 января 1888 года, при обсужденіи вопроса о возможности своевременнаго открытія лекцій во второмъ полугодіи, на вопросъ, находитъ ли Совѣтъ необходимымъ и своевременнымъ объясненіе причинъ, вызвавшихъ и могущихъ впредь вызывать безпорядки среди студентовъ, Совѣтъ большинствомъ 34 голосовъ противъ 24 отвѣтилъ отрицательно. Къ большинству присоединились попечитель, ректоръ и три декана. Такъ далеки еще были тогда многіе отъ мысли, что происшедшіе безпорядки явленіе не случайное, вызванное личностью инспектора, хотя историко-филологическій факультетъ въ своемъ мнѣніи тогда же счелъ своимъ долгомъ прямо заявить, что „безпорядки возникли на почвѣ недовольства, вызываемаго нѣкоторыми общими и глубокими причинами“, и указалъ на двѣ главныя причины: ненормальное положеніе инспекціи и недостаточно обдуманный Министерствомъ способъ введенія новаго учебнаго порядка въ университетахъ.

Такъ упущенъ былъ благопріятный моментъ для изученія настроенія среды, на которую хотѣли воздѣйствовать, и лишили себя средствъ сообразить цѣлесообразные способы воздѣйствія. Союзный Совѣтъ тогда находился еще въ начальной порѣ своей дѣятельности, ограничиваясь дѣлами земляческой взаимопомощи и еще не имѣя диктаторской власти надъ студенчествомъ, какую онъ пріобрѣлъ вскорѣ, пользуясь, между прочимъ, и незнакомствомъ университетскаго начальства и профессоровъ съ харакеромъ и истинными причинами возникшаго среди студенчества броженія. Излишняя осторожность взрослыхъ и на этотъ разъ явилась помощницей неосмотрительнаго увлеченія молодежи. Даже послѣ безпорядковъ 1894 г., когда вскрылась оппозиціонная дѣятельность Союзнаго Совѣта, среди

профессоровъ все еще не могъ установиться опредѣленный взглядъ на характеръ и причины студенческаго броженія. Эти безпорядки вызвали оживленную дѣятельность учебнаго управленія, особенно усилившуюся по минованіи ихъ и направленную къ предупрежденію ихъ повторенія. Въ январѣ 1895 года въ университетъ вывѣшено было объявленіе Министра Народнаго Просвѣщенія къ студентамъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Министерство, извѣщенное, что „кружкомъ неблагонамѣренныхъ людей распространяется среди учащихся мысль о необходимости измѣненій въ дѣйствующихъ уставахъ высшихъ учебныхъ заведеній“ и усиленно собираются подписи подъ петиціей въ этомъ смыслѣ, объявляло, что всякая такая петиція будетъ оставлена безъ послѣдствій, и выражало надежду на „благоразуміе огромнаго большинства студентовъ“. Съ цѣлью предотвратить повтореніе безпорядковъ послѣ рождественскихъ каникулъ, принимали мѣры противъ предположеннаго общаго съѣзда въ Москвѣ делегатовъ отъ всѣхъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній для составленія петиціи на Высочайшее имя, устанавливали строгій надзоръ за входомъ въ аудиторіи и учебно-вспомогательныя учрежденія. Въ особомъ собраніи 29-го декабря 1894 г. профессора были ознакомлены съ положеніемъ университета и особенно съ дѣятельностью Союзнаго Совѣта землячествъ и, признавъ серьезность положенія, нашли необходимымъ безотлагательно оказать администраціи университета нравственную поддержку, съ каковою цѣлью въ томъ же собраніи составили заявленіе о томъ, что они, профессора, въ первый разъ получивъ надлежащія свѣдѣнія о дѣятельности Союзнаго Совѣта землячествъ, признаютъ его вреднымъ и подрывающимъ основы университетской жизни, не касаясь, однако, вопроса о самихъ землячествахъ, о которыхъ не имѣлось данныхъ для сужденія.

Впрочемъ, когда получились данныя для сужденія, возникла и мысль о необходимости изучить положеніе дѣлъ, чтобы цѣлесообразно на него воздѣйствовать. По поводу извѣстныхъ волненій, начавшихся въ 1895 г. на старшихъ курсахъ медицинскаго факультета несомнѣнно на почвѣ общаго настроенія студенчества, ректоръ призналъ необходимымъ прежде примѣненія карательныхъ мѣръ прибѣгнуть къ наставническому содѣйствію профессоровъ и въ ноябрѣ пригласилъ на совѣщаніе 28 членовъ того факультета. Изъ сообщеннаго Совѣту университета доклада видно, что въ это дѣло вмѣшался не тайный Союзный Совѣтъ, а открытыя курсовыя организаціи, и потому оно могло быть разслѣдовано достаточно обстоятельно (Журналъ засѣданія Совѣта 16-го декабря 1895 г., статья 6). Депутаціи изъ старосты съ подстаростами явились къ профессорамъ съ курсовыми рѣшеніями и объявляли одному, что студенты не признаютъ его профессоромъ, другому — что курсъ выражаетъ неудовольствіе на образъ его дѣйствій, прибавляя, что хотя депутація и не уполномочена выслушивать его, проф. Захарьина, объясненія, но частнымъ образомъ готова выслушать его и передать товарищамъ его слова. Въ заключеніи доклада читаемъ, что при обсужденіи фактическихъ обстоятельствъ, сообщенныхъ собранію ректоромъ, „одной части собравшихся профессоровъ данное положеніе вещей пред-

ставлялось ненормальнымъ, но не особенно серьезнымъ, представляющимъ заурядное явленіе и вытекающимъ изъ условій преподаванія по уставу 1884 г., другой же части профессоровъ то же самое положеніе, наоборотъ, казалось чрезвычайно серьезнымъ и обусловленнымъ глубокими хроническими причинами, которыя требуютъ полнаго и всесторонняго разслѣдованія, чтобы возможно было настоящимъ образомъ лѣчить хроническую болѣзнь". Однако, мѣръ для такого полнаго и всесторонняго разслѣдованія по документамъ не видно.

Между тѣмъ признаки, обнаружившіеся во время студенческихъ волненій, ярко выражали характеръ броженія и даже намекали на его причины. На допросахъ въ Правленіи университета по дѣлу объ оскорбленіи инспектора Брызгалова нѣкоторые студенты прямо признавались, что сочувствуютъ виновнику поступка за руководившія имъ побужденія, но сами-бы такого поступка себѣ не позволили. Легкость, съ какою молодые люди вовлекались въ безпорядки, въ значительной степени объясняется этимъ недоразумѣніемъ, будто въ нравственной оцѣнкѣ поступковъ можно раздѣлять мотивы и формы, въ которыхъ они выражаются. Особенно много характерныхъ въ этомъ отношеніи симптомовъ дали безпорядки, какими сопровождалась попытка отслужить панихиду по жертвамъ несчастнаго событія на Ходынскомъ полѣ. Эти черты отмѣчены въ прочитанномъ Совѣту докладѣ попечителя округа (Журналъ засѣданія Совѣта 14 декабря 1896 г., ст. 25). Кромѣ манифестантовъ, масса студенчества 18 ноября оставалась спокойной, и занятія въ университетѣ шли обычнымъ порядкомъ. Но видъ 400 товарищей, которые, возвращаясь съ Ваганькова, близъ самаго университета были оцѣплены полиціей (въ первомъ часу дня) и отведены въ манежъ, произвелъ замѣтное возбужденіе, а вывѣшенное на другой день въ университетѣ объявленіе съ укоризненнымъ указаніемъ на вчерашніе уличные безпорядки обидѣло студентовъ; ночной арестъ 26 изъ отпущенныхъ наканунѣ манифестантовъ усилилъ броженіе. На сходкѣ 19-го ноября студенты (около 400 человѣкъ) были уже въ такомъ взволнованномъ состояніи, что казались „неспособными слушать и понимать какіе-либо аргументы". Депутаты объяснялись съ ректоромъ возбужденно, переходя порою въ рѣзкость и грубость, впрочемъ, тотчасъ понижая тонъ по требованію болѣе сдержанныхъ товарищей. Они просили ректора ходатайствовать объ освобожденіи арестованныхъ, въ томъ числѣ и ихъ „лучшихъ людей" (Союзнаго Совѣта), объ огражденіи студентовъ отъ произвола полиціи, о снятіи обиднаго объявленія, а изъ заднихъ рядовъ депутаціи послышались голоса объ отмѣнѣ устава 1884 года. Это объясненіе, носившее „нервный характеръ", не привело ни къ чему. Угроза полицейскимъ арестомъ ни на эту, ни на слѣдующую сходку 20 ноября не оказала желаемаго дѣйствія: студенты сами требовали, чтобы ихъ не томили, поскорѣе арестовали, нетерпѣливо роптали, почему такъ долго не являлась полиція, любезно встрѣчали полицейскаго офицера съ 2—3 городовыми и, по его приглашенію: „пожалуйте, господа, если вамъ угодно", готовно очищали залъ и безъ обычнаго оцѣпленія лентой двигались въ манежъ, предшествуемые 3—4 полицейскими, указывавшими путь, и сопровождаемые такой же лентой остальныхъ полицейскихъ. На увѣщанія инспекціи

разойтись, чтобы избѣгнуть ареста и не затруднять ректора въ ходатайствѣ за виновныхъ, студенты отвѣчали, что они именно того и добиваются, чтобы быть арестованными, хорошо зная, что чѣмъ больше виноватыхъ, тѣмъ меньше наказаніе, котораго они вообще не боятся. На дальнѣйшихъ сходкахъ къ прежнимъ требованіямъ прибавлено было новое — возвратить въ университетъ всѣхъ пострадавшихъ въ послѣдніе годы за студенческіе безпорядки. Однако, скоро стало замѣтно, что истинной заботой участниковъ сходокъ было облегченіе участи арестованныхъ товарищей, а прочія требованія выкрикивались нѣкоторыми только для порядка, ради послѣдовательности, не находя болѣе поддержки въ массѣ студенчества. Сходка 23 ноября выразила инспекціи готовность разойтись, если узнаетъ судьбу арестованныхъ, для чего-де она и собралась, и разошлась дѣйствительно, какъ скоро ректоръ обѣщалъ исполнить ея желаніе. Вывѣшенное объявленіе объ участи арестованныхъ замѣтно успокоило студентовъ, хотя не всѣхъ удовлетворило, и студенты сами стали энергично мѣшать недовольнымъ товарищамъ продолжать безпорядки. Для выясненія мотивовъ движенія характерно вмѣшательство въ него медиковъ старшихъ курсовъ, которые въ первое время держались мирно. Къ ректору 22 ноября явились курсовыя депутаціи, которыя, спокойно и вѣжливо заявляя свою солидарность съ арестованными и сочувствіе ихъ требованіямъ, просили: „закройте университетъ; мы не хотимъ безпорядковъ, но можемъ быть вовлечены въ нихъ“. Дѣйствительно, на другой день, не выдержавъ упрековъ со стороны товарищей въ равнодушіи и узкомъ эгоизмѣ, медики начали, затворяясь въ аудиторіяхъ по курсамъ, совѣщаться, что дѣлать, и постановили прекратить посѣщеніе лекцій, чтобы добиться закрытія университета согласно съ планомъ Союзнаго Совѣта.

Въ волненіяхъ 1895 года вскрылись нѣкоторые элементы и особенности броженія. При всей возбужденности участники безпорядковъ старались вести себя сдержанно и прилично, не допуская излишествъ. На сходки собиралось меньшинство студентовъ (около 16 %); но значительное число, если не большинство, сочувствовало имъ, не принимая участія въ безпорядкахъ Наибольшее участіе принимали медики и естественники, обнаружившіе и наибольшую сплоченность. „Пятый, четвертый и третій курсы медиковъ, какъ по командѣ, запирались въ аудиторіяхъ, не пуская къ себѣ инспекціи, по цѣлымъ часамъ вели тамъ совѣщанія и выносили курсовыя рѣшенія, которыя дружно приводили потомъ въ исполненіе“. То же замѣчалось и на второмъ медицинскомъ курсѣ, который оказывалъ небезуспѣшное давленіе и на первокурсниковъ, стараясь не допускать ихъ до занятій, которыхъ они не хотѣли покидать. Наконецъ, студенты обнаружили въ себѣ большую дисциплину, такъ сказать, съ лѣвой руки, слушались своего нелегальнаго начальства гораздо болѣе, чѣмъ университетскаго. Въ химическую лабораторію разъ явились четыре студента, назвались старостами и приказали работавшимъ студентамъ прекратить занятія. Тѣ повиновались приказу и только просили позволенія закончить начатыя работы, которыя иначе будутъ испорчены, и ихъ трудъ пропадетъ даромъ. Пришедшіе благосклонно снизошли на эту просьбу.

Безпорядки 1899 года еще болѣе прежняго вскрыли характеръ и дѣятельность тайныхъ студенческихъ организацій и заставили профессоровъ глубже вдуматься въ смыслъ и причины непрекращавшагося броженія; но мѣры, принятыя противъ этихъ безпорядковъ, были прежнія и даже примѣнялись онѣ, какъ видно по количеству жертвъ, усерднѣе прежняго: это — увольненіе изъ университета и высылка изъ Москвы массами. Великимъ постомъ того года Москва иногда представляла видъ города, объявленнаго въ осадномъ положеніи, особенно въ районѣ обѣихъ Бронныхъ. Это грозило раздуть университетскій пожаръ. Но дѣлу порядка помогли сами виновники безпорядковъ — своими излишествами. Когда передъ масляницей профессорамъ обѣщано было смягченіе участи студентовъ, уволенныхъ и высланныхъ за первую забастовку, и стало извѣстно о назначеніи комиссіи ген.-адъютанта Ванновскаго, возникла надежда на возобновленіе учебныхъ занятій съ начала великаго поста. Студенты обращались къ профессорамъ съ письменными и устными заявленіями, въ которыхъ, жалуясь на свое „безправное положеніе“, говорили, что возвратъ удаленныхъ товарищей сдѣлаетъ ненужной дальнѣйшую забастовку, несогласную и съ волей высшей власти, но что безъ устраненія огульныхъ высылокъ безъ суда и слѣдствія на будущее время въ дѣлахъ чисто академическихъ они признаютъ себя нравственно обязанными продолжать забастовку. Профессора настойчиво отговаривали ихъ отъ этого шага, который непоправимо ухудшитъ положеніе студенчества. Однако, вторая забастовка была принята тайнымъ голосованіемъ. Она, съ сопровождавшими ее временнымъ прекращеніемъ учебныхъ занятій въ Университетѣ, увольненіемъ всѣхъ студентовъ и новыми высылками не принятыхъ обратно (до 800 чел.), можно сказать, исчерпала до дна энергію этихъ глубоко взволнованныхъ людей. Они потеряли своихъ руководителей и перестали чувствовать почву подъ своими ногами. Уже съ конца 1896 г., вслѣдствіе введеннаго передъ тѣмъ „конспиративнаго“ порядка выбора членовъ, Союзный Совѣтъ сталъ для представляемыхъ имъ землячествъ таинственнымъ неизвѣстнымъ и, какъ всякій Х, началъ терять довѣріе организованнаго студенчества, а революціонное направленіе, данное его дѣятельности „отчаянными головами“, какими наполнили его такіе выборы, прямо оттолкнуло отъ него разсудительную часть приверженцевъ Совѣта прежняго состава. Полицейскіе аресты довершили его крушеніе. Вторая забастовка и затрудненіе входа въ Университетъ лишили организованное студенчество и другого главнаго средства — дружно направлять движеніе, курсоваго обсужденія дѣлъ, привели въ бездѣйствіе „центральныя земляческія группы“ на курсахъ, проще говоря, лишили сплоченное меньшинство возможности угнетать разрозненное большинство по аудиторіямъ въ промежутки между лекціями. Исполнительный Комитетъ, ставшій тогда на мѣсто разбитаго Союзнаго Совѣта, не могъ спасти положенія, даже поддерживаемый полицейскими и университетскими распоряженіями, напрягавшими до-нельзя остатокъ оппозиціонной энергіи студенчества. Вторая забастовка, которая и была вызвана этимъ гальванизованнымъ напряженіемъ замиравшей силы, парализовала и эту ниспосланную свыше поддержку. Товарищеская

самоотверженность смѣнилась заботами личнаго свойства, сожалѣніемъ о потерянномъ времени, о запущенныхъ занятіяхъ, о трудности держать экзамены при такихъ условіяхъ. Послѣ долгаго нервнаго напряженія наступала апатія, желаніе бросить все, махнуть на все рукой и уѣхать домой. Движеніе, столь сосредоточенное доселѣ, разбилось, пошло, какъ бы сказать, подъ различными углами и въ разныхъ плоскостяхъ, организованные земляки перессорились, раздѣлились на „радикаловъ“ и „независимыхъ“, на „дураковъ“ и „подлецовъ“. Событія текущаго года показали, что это было утомленіе, а не умиротвореніе.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что до 1899 г. включительно въ борьбѣ съ студенческими безпорядками больше думали о мѣрахъ пресѣченія, чѣмъ предупрежденія. Но самая малоуспѣшность карательныхъ мѣръ еще глубже укоренила въ средѣ профессоровъ мысль о необходимости мѣръ предохранительныхъ. Такія мѣры могли быть указаны только изученіемъ причинъ безпорядковъ, а этихъ причинъ слѣдовало искать прежде всего въ условіяхъ и порядкахъ университетскаго быта, среди которыхъ живутъ студенты. Удрученный университетскими событіями текущаго года, Совѣтъ Московскаго Университета взялъ на себя это нелегкое дѣло, обѣщавъ въ своемъ февральскомъ воззваніи къ студентамъ „точное изслѣдованіе фактовъ“ и содѣйствіе приведенію въ порядокъ столь осложненнаго университетскаго дѣла. Послѣ сходки 23 февраля имъ была образована особая комиссія для разслѣдованія причинъ студенческихъ волненій и для изысканія мѣръ къ упорядоченію университетской жизни.

* * *

Дѣятельность Совѣтской Комиссіи 28-го февраля. Безпорядки 1901 года въ Москвѣ прекратились, главнымъ образомъ, вслѣдствіе дѣятельности этой Комиссіи, учрежденной Совѣтомъ въ его засѣданіи 28-го февраля. Сношенія Комиссіи со студентами были настолько характерны и имѣли такіе существенные результаты, что на нихъ нельзя не обратить особеннаго вниманія.

Не разъ уже, во время студенческихъ безпорядковъ различныхъ годовъ, университетское начальство обращалось къ профессорамъ съ приглашеніемъ оказать содѣйствіе водворенію порядка увѣщаніемъ студентовъ отъ лица всего состава профессоровъ. Такъ было, напр., въ 1894 году въ Москвѣ, въ 1899 г. въ Петербургѣ. Такое же обращеніе къ студентамъ было составлено въ засѣданіяхъ Совѣта Московскаго Университета 24 и 25 февраля текущаго года послѣ бурной сходки 23 февраля и отвода въ манежъ болѣе 400 студентовъ.

Приглашая студентовъ возобновить занятія въ университетѣ, профессора обѣщали имъ, однако, „точное изслѣдованіе фактовъ“, и на Совѣтѣ 25 февраля, на которомъ была принята окончательная редакція обращенія къ студентамъ, присутствовавшими профессорами было указано на тѣсную связь между увѣщаніями студентамъ и разсмотрѣніемъ по существу того положенія, которое постоянно вызываетъ въ университетахъ безпорядки. Такое разсмотрѣніе вызы-

валось, во-первыхъ, необходимостью для самихъ профессоровъ выяснить причины печальныхъ явленій, прерывающихъ ходъ преподаванія въ университетѣ. Съ другой стороны, чтобы увѣщанія не были простыми словами, необходимо было сопроводить ихъ ручательствомъ, что Совѣтъ предприметъ „точное изслѣдованіе фактовъ“ и доложитъ о результатахъ этого изслѣдованія высшему начальству, чтобы вызвать мѣры къ устраненію усмотрѣнныхъ недостатковъ. На этой почвѣ и было рѣшено въ Совѣтѣ 28 февраля, и разрѣшено затѣмъ Попечителемъ Округа, образовать комиссію для изслѣдованія вопроса о причинахъ безпорядковъ въ университетѣ и о мѣрахъ къ ихъ устраненію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того, что комиссія возникла не только по теоретическимъ побужденіямъ, а въ тѣсной зависимости отъ попытокъ университета возстановить спокойствіе среди студентовъ, ей же было поставлено „ближайшей цѣлью“ содѣйствовать упорядоченію университетской жизни путемъ сообщенія свѣдѣній и всякаго рода разрѣшенныхъ закономъ сношеній со студентами.

Комиссія нашла при своемъ возникновеніи въ высшей степени напряженное и трудное положеніе. Несмотря на то, что студентамъ стало извѣстнымъ, что Совѣтъ ходатайствовалъ о непримѣненіи „Временныхъ Правилъ“, большинство студентовъ находилось въ крайне возбужденномъ состояніи. „Обращеніе“ профессоровъ произвело на многихъ студентовъ дѣйствіе скорѣе обратное тому, чего имѣлось въ виду достигнуть: они съ негодованіемъ отрицали, чтобы волненія были результатомъ подстрекательствъ извнѣ, ссылались на то, что „Временныя Правила“ и нагайка являются не просто угрозами, а вполнѣ реальными фактами и т. п. Уличныя сцены вокругъ манежа и на Тверскомъ бульварѣ, въ особенности же извѣстія о событіяхъ въ Петербургѣ вызвали разгоряченное состояніе молодежи: забастовка, къ которой приглашали прокламаціи исполнительнаго комитета, осуществлялась — студенты почти перестали ходить на лекціи и были видимо подготовлены къ новымъ сходкамъ и нелегальнымъ протестамъ. Можно сказать съ увѣренностью, что лишь открывшаяся вслѣдствіе избранія комиссіи возможность для студентовъ высказать свои жалобы и желанія профессорамъ и выслушать отъ нихъ разъясненія и увѣщанія предохранила Московскій университетъ отъ дальнѣйшаго распространенія и обостренія безпорядковъ. Это выясняется какъ изъ хода событій, такъ и изъ заявленій самихъ студентовъ.

Комиссія, какъ только организовалась, возбудила ходатайство, чтобы профессорамъ и приватъ-доцентамъ, читающимъ обязательные курсы, было разрѣшено вести собесѣдованія со своими слушателями относительно волновавшихъ ихъ вопросовъ университетской жизни. Ходатайство это было удовлетворено и хотя не было, къ сожалѣнію, разрѣшено опубликовать въ газетахъ объ образованіи комиссіи и открывшихся собесѣдованіяхъ, и тотъ, и другой фактъ стали быстро извѣстны. Начался рядъ собесѣдованій по отдѣльнымъ аудиторіямъ подъ руководствомъ какъ членовъ комиссіи, такъ и другихъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ, читающихъ обязательные курсы, преимущественно въ совѣщательные, но изрѣдка и въ лекціонные часы. Ближайшей цѣлью этихъ собесѣдованій было выяснить на-

значеніе комиссіи и убѣдить студентовъ возобновить прерванныя занятія въ увѣренности, что положеніе дѣлъ въ университетѣ будетъ разслѣдовано и будетъ сдѣлано все возможное, чтобы вызвать его улучшеніе.

Первыя собесѣдованія въ этомъ направленіи прошли при значительныхъ затрудненіяхъ: помимо разгоряченнаго настроенія студентовъ, сказывались, главнымъ образомъ, два затрудняющихъ условія: студенты не хотѣли никоимъ образомъ отречься отъ товарищей, попавшихъ въ Бутырскую тюрьму за свой протестъ: затѣмъ явились сомнѣнія въ томъ, отнесется ли комиссія съ вниманіемъ къ жалобамъ, предъявляемымъ студентами на различныя стороны университетскаго строя и быта. Чтобы устранить эти затрудненія, и члены комиссіи, и другіе профессора, ведшіе собесѣдованія, держались въ общемъ слѣдующихъ положеній: они предоставляли студентамъ дѣлать въ разныхъ формахъ оговорки относительно ихъ солидарности съ пострадавшими товарищами: затѣмъ, необходимо было выслушать заявленія студентовъ о томъ, что они считали ненормальнымъ въ университетскомъ быту, и дать имъ возможность формулировать эти заявленія письменно. Когда студенты увидали, что увѣщанія и собесѣдованія имѣютъ цѣлью не просто отдѣлаться отъ неудобствъ, связанныхъ съ забастовками и безпорядками, что профессора готовы говорить съ слушателями по существу дѣла и принять отъ нихъ заявленія и жалобы, отношеніе къ комиссіи и собесѣдованіямъ измѣнилось: громадное большинство студентовъ склонилось къ тому, чтобы воспользоваться предложенными законными средствами и высказать разумно и спокойно свое мнѣніе, не прибѣгая болѣе къ шумнымъ протестамъ и пріостановкѣ занятій. На этой почвѣ слушатели одного курса за другимъ, — первыми медики IV курса, филологи I и II курсовъ, естественники II курса — стали высказываться за возобновленіе занятій и въ теченіе двухъ недѣль на всѣхъ курсахъ университета, за исключеніемъ одного II курса юристовъ, на которомъ мнѣнія раздѣлились почти поровну, подавляющее большинство студентовъ заявило о своемъ рѣшеніи посѣщать лекціи и высказаться относительно желательныхъ улучшеній путемъ подачи заявленій въ комиссію.

Собесѣдованія, приведшія къ такому благопріятному исходу, велись безъ всякой заранѣе условленной регламентаціи. Одни изъ профессоровъ въ заключеніе ихъ допускали подсчетъ высказывавшихся за и противъ посѣщенія лекцій, и этотъ пріемъ, особенно вначалѣ, имѣлъ весьма сильное вліяніе на благопріятный ходъ дѣла, такъ какъ обнаруживалъ подавляющій перевѣсъ тѣхъ, кто стоялъ за возстановленіе порядка. Для той же цѣли другіе профессора принимали подписанныя заявленія о желаніи возобновить хожденіе на лекціи. Третьи не производили подсчетовъ и не принимали заявленій, а ограничивались нравственнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ собесѣдованіями. Во всякомъ случаѣ, нигдѣ не производилось голосованія для установленія рѣшенія курса, какъ цѣлаго, рѣшенія обязательнаго для меньшинства: высказывали мнѣнія и иногда считали ихъ, но единаго рѣшенія курса нигдѣ не выводили и не устанавливали.

Результатомъ этого ряда собесѣдованій было повсемѣстное возвращеніе студентовъ къ занятіямъ — „изъ довѣрія къ комиссіи“, какъ они выражались. Благопріятному исходу дѣла несомнѣнно содѣйствовалъ снисходительный приговоръ Правленія надъ виновными въ безпорядкахъ 23 февраля. Конечно, если бы приговоръ этотъ оказался слишкомъ строгимъ, то сочувствіе студентовъ къ пострадавшимъ товарищамъ навѣрное обнаружилось бы въ какой-нибудь вспышкѣ. Но приговоръ сдѣлался извѣстнымъ, когда благопріятный оборотъ уже опредѣлился, и, притомъ, большое число послѣдовавшихъ за нимъ административныхъ высылокъ лишило его значительной доли его нравственнаго вліянія.

Вслѣдъ за собесѣдованіями, на которыхъ студенты высказались за возобновленіе занятій, состоялся рядъ другихъ, на которыхъ они выражали свои взгляды относительно всякаго рода безпорядковъ въ университетѣ и формулировали заявленія въ комиссію по этому поводу. И члены комиссіи, и прочіе, руководившіе собесѣдованіями профессора, гарантировали, конечно, безнаказанность и свободу такихъ заявленій, предупреждая лишь, что необходимо оставаться въ предѣлахъ обсужденія университетскаго строя. И комиссія считаетъ долгомъ заявить, что студенты вели себя, почти безъ исключенія, чрезвычайно сдержанно и разумно: несмотря на жгучій характеръ возбужденныхъ вопросовъ и на то, что эти собесѣдованія происходили какъ бы въ рамкѣ безпорядковъ, естественно установился на нихъ искренній и порядочный тонъ, дѣловое обсужденіе вопросовъ и довѣріе къ руководившимъ профессорамъ.

Въ общемъ всѣ профессора, принимавшіе участіе въ этихъ собесѣдованіяхъ, вѣроятно, единогласно засвидѣтельствуютъ, что этотъ опытъ общенія между профессорами и студентами при обсужденіи тяжелаго кризиса, переживаемаго университетами, обнаружилъ такую возможность понимать другъ друга, сговариваться другъ съ другомъ, о которой трудно было и мечтать въ виду долгаго разобщенія и исключительно трудныхъ обстоятельствъ.

II. Причины студенческихъ волненій.

Заявленія студентовъ. Предшествующій историческій очеркъ самъ собою наводитъ на причины студенческихъ волненій, до сихъ поръ недостаточно обратившій на себя вниманіе университета. Но прежде чѣмъ высказаться объ этихъ причинахъ, Комиссія считаетъ необходимымъ указать, какъ смотритъ на эти причины само студенчество, насколько оно высказалось объ этомъ въ поступившихъ въ Комиссію заявленіяхъ.

Изъ представленныхъ въ Комиссію студенческихъ заявленій нѣкоторыя заслуживаютъ наибольшаго вниманія по систематичности изложенія и точному выясненію какъ важнѣйшихъ причинъ нарушенія нормальнаго теченія академической жизни, такъ равно и мѣръ, проектируемыхъ къ ея урегулированію. Но какъ эти записки, такъ

равно многія другія отъ отдѣльныхъ лицъ или группъ поступившія въ Комиссію въ формѣ заявленій и прошеній на имя предсѣдателя, несмотря на нѣкоторыя отличія по формѣ или подробностямъ и систематичности изложенія, представляютъ несомнѣнно много тождественнаго по отношенію указаній на главныя причины, нарушающія строй академической жизни и на предлагаемыя мѣропріятія, долженствующія служить прочной гарантіей ея дальнѣйшаго, нормальнаго теченія.

Всѣ эти заявленія, за двумя исключеніями, въ общемъ производятъ весьма благопріятное впечатлѣніе по характеру руководящихъ идей, лежащихъ въ ихъ основаніи и исходящихъ изъ дѣйствительныхъ потребностей улучшенія условій университетской жизни, всецѣло гармонирующихъ съ традиціями университета, какъ высшаго учрежденія, способствующаго пріобрѣтенію всесторонняго образовательнаго научнаго и нравственно-духовнаго ценза.

Именно вслѣдствіе однородности пониманія этой идеи, не находящей себѣ полнаго осуществленія при современномъ режимѣ, является вышеуказанная солидарность поданныхъ заявленій въ разъясненіи главнѣйшихъ причинъ уклоненія отъ нормальной жизни университета и въ опредѣленіи мѣръ для ея урегулированія.

Какъ на одно изъ важнѣйшихъ началъ, вліяющихъ неблагопріятно на правильный ходъ университетскихъ занятій, указывается во всѣхъ заявленіяхъ на крайнюю разобщенность студентовъ, на существенный недостатокъ правильной организаціи. Согласно нынѣ дѣйствующему уставу и правиламъ, студенчество лишено возможности собираться съ цѣлями самообразованія, совмѣстныхъ занятій научными предметами, обсужденія университетскихъ и курсовыхъ вопросовъ академической жизни. Всякое собраніе въ частной квартирѣ для дружеской бесѣды уже считается недозволеннымъ и грозитъ непріятными послѣдствіями.

Отсутствіе прочно установленнаго корпоративнаго начала не только препятствуетъ успѣшному ходу научныхъ занятій и столь необходимому, крайне желательному во многихъ отношеніяхъ, сближенію съ профессорской коллегіей, но дѣйствуетъ неблагопріятно и въ другомъ смыслѣ, препятствуя свободному развитію товарищескихъ отношеній, основанныхъ на правильномъ пониманіи духа университетской жизни, сближающихъ различныхъ представителей факультетовъ и курсовъ въ одну семью, объединенную высокими стремленіями прогрессивнаго развитія въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Помимо этихъ неблагопріятныхъ сторонъ среди условій, вліяющихъ на жизнь университета, занимаютъ, въ студенческихъ заявленіяхъ, важное мѣсто и причины чисто формальнаго характера, лежащія внѣ студенческой среды.

На первый планъ въ этомъ направленіи заявленія выставляютъ неправильныя отношенія къ студентамъ инспекціи, снабженной весьма широкими правами, входящей глубоко во многія интимныя стороны студенческой жизни, пользующейся почти неограниченной наблюдательной и карающей властью и препятствующей всякому болѣе или менѣе свободному проявленію корпоративнаго духа.

Весьма важной причиной, подающей нерѣдко поводъ къ волненіямъ, выставляется также и отсутствіе правильно организованнаго суда надъ студентами. Нынѣ существующій судъ правленія, собственно говоря, органа административнаго, является во многомъ несовершеннымъ; онъ не заключаетъ прежде всего въ своемъ составѣ необходимыхъ элементовъ, обусловливающихъ безпристрастное, правильное судопроизводство. Весьма большое вліяніе на весь ходъ судебнаго процесса имѣетъ инспекція, совмѣщающая въ себѣ всѣ три функціи: слѣдственную, обвинительную и судебную. Секретныя свѣдѣнія инспекціи составляютъ главный матеріалъ, на основаніи котораго опредѣляется виновность лица. Одинъ изъ наиболѣе важныхъ недостатковъ составляетъ субъективность и безконтрольность данныхъ, лежащихъ въ основаніи судебнаго приговора; отсутствіе точнаго разслѣдованія фактовъ и произвольное, не находящее себѣ аналогіи, лишеніе права защиты со стороны обвиняемаго.

Насколько такого рода судъ бываетъ пристрастнымъ и невѣрнымъ по своимъ приговорамъ иллюстрируется въ одномъ изъ заявленій вопіющимъ примѣромъ карательной мѣры исключенія изъ университета студента, умершаго ранѣе происшедшаго инцидента, подлежавшаго вѣдѣнію суда (студ. ест. Ф. Левченко).

Къ ряду причинъ, подающихъ поводъ къ волненіямъ, въ большей части заявленій указывается на безправное положеніе передъ внѣшней полиціей, допускающей во многомъ сильный произволъ по отношенію къ студентамъ, свободно, безцеремонно внѣдряющейся въ ихъ жизнь и вызывающей частыми повальными обысками и произвольными, массовыми арестами общее негодованіе, ведущее къ протестамъ и безпорядкамъ. Наконецъ, весьма важной причиной, повліявшей крайне неблагопріятно на ходъ студенческой жизни послѣдняго времени, согласно всѣмъ заявленіямъ, послужило введеніе „временныхъ правилъ“, какъ карательной мѣры, выходящей изъ ряда другихъ по своей крайней строгости и нецѣлесообразности. Сознаніе подвергнуться столь тяжелому, по существу и послѣдствіямъ, наказанію за обычные проступки и уклоненія отъ изданныхъ правилъ внесло сильное смятеніе и недовольство въ студенческую среду. Первое осуществленіе этой несправедливой и жестокой мѣры, столь противорѣчащей основнымъ началамъ университета, послужило, по указанію заявленій, главнымъ поводомъ къ обширнымъ волненіямъ, распространившимся на многія высшія учебныя заведенія.

* * *

Настроеніе студентовъ. Бесѣды и заявленія студентовъ дали Комиссіи весьма значительный матеріалъ для опредѣленія студенческаго настроенія, создаваемаго условіями университетской жизни. Эти данныя не теряютъ своего интереса, даже когда не представляются точнымъ отраженіемъ дѣйствительности, а только выражаютъ впечатлѣнія, какими руководствуется студентъ въ своемъ отношеніи къ университету.

Періодически повторяющіеся университетскіе безпорядки производятъ тягостное впечатлѣніе на самихъ студентовъ. Многіе изъ

нихъ хорошо сознаютъ, что положеніе дѣлъ, создаваемое этими безпорядками, не можетъ не оказывать „весьма вреднаго дѣйствія какъ на успѣшность научныхъ занятій студентовъ, такъ и на ихъ нравственное состояніе, на весь вообще строй университетской жизни“. Первыя слѣдствія этого, говорятъ они, „весьма замѣтное въ послѣдніе годы пониженіе въ студенческой средѣ чисто-научныхъ интересовъ, упадокъ духа и ослабленіе способности къ спокойному и продолжительному умственному труду“. Они жалуются на свое „сплошное уныніе, глубокое недовольство и постоянную готовность къ протесту“.

Многія условія питаютъ такое настроеніе. Прежде всего студенты чувствуютъ, что всѣмъ замѣтные признаки ихъ настроенія поселяютъ въ обществѣ раводушіе и недовѣріе къ нимъ, сомнѣніе въ серьезности ихъ научныхъ стремленій и даже „въ ихъ готовности къ добросовѣстному труду“. Эта тревога серьезныхъ студентовъ тѣмъ понятнѣе, что они видятъ въ своей средѣ товарищей, которые прямо и не стѣсняясь заявляютъ, что одной наукой университетъ ничего не сдѣлаетъ, что „уйти въ науку, увлечься ею дано немногимъ“, и будто бы даже большинство студентовъ ищетъ въ университетѣ не научныхъ занятій, не навыка къ научному труду и размышленію, а „готовыхъ формулъ, готовыхъ отвѣтовъ на животрепещущіе вопросы“, того, что они называютъ въ противоположность наукѣ „воспитаніемъ“, утверждая, что „наука развиваетъ, но не воспитываетъ“. Неосторожныя признанія немногихъ, не уяснившихъ себѣ истинныхъ задачъ университетскаго курса, ставятся на счетъ большинству, если не всему студенчеству.

Но, кромѣ этого, есть немало внутреннихъ „препятствій и горестей“, мѣшающихъ студентамъ поддерживать въ себѣ бодрость духа и интересъ къ научному труду, „истинно научный университетскій духъ“. Однимъ изъ главныхъ затрудненій этого рода они признаютъ крайнюю разрозненность между собой и проистекающія отсюда слѣдствія: почти полное незнакомство ихъ другъ съ другомъ, возможность присутствія сыщиковъ въ ихъ средѣ и совершенную невозможность бороться съ инсинуаціями на нихъ со стороны, каковы, напримѣръ, обвиненія студентовъ въ политической агитаціи и т. п. Они горячо возстаютъ противъ подобныхъ обвиненій, увѣряя, что „подавляющее большинство волнующагося студенчества чуждо какихъ бы то ни было политическихъ стремленій“ и его оппозиціонное настроеніе все сводится лишь къ недовольству университетскими порядками. Изъ гимназіи студенты выносятъ чувство товарищеской солидарности. У нихъ и въ университетѣ на каждомъ шагу возникаютъ общіе интересы. Совмѣстное слушаніе лекцій, желаніе подѣлиться мыслями по поводу слышаннаго, устройство практическихъ работъ — все это заставляетъ ихъ сближаться другъ съ другомъ. Между тѣмъ, по правиламъ, студенты — „отдѣльные посѣтители университета“, коимъ воспрещено всякое дѣйствіе, носящее корпоративный характеръ, воспрещены „всякія сборища и сходки съ цѣлью обсужденія какихъ-либо дѣлъ сообща“. Заведутъ они курсомъ разговоръ о только-что прочитанной лекціи — это сходка, и субъ-инспекторъ попроситъ ихъ разойтись. Сойдутся они на частной квартирѣ для дружеской бесѣды — это недозволенное сборище, за

которое можно попасть въ участокъ, даже и далѣе. При такихъ условіяхъ большинство студентовъ ведетъ крайне замкнутую жизнь, плохо зная своихъ товарищей, даже ближайшихъ по факультету и однокурсниковъ.

Наиболѣе острой горечью пропитаны отзывы студентовъ объ университетской инспекціи. Это едва ли не самый больной элементъ ихъ настроенія; въ отношеніи къ этому институту они всѣ единодушны, какъ одинъ человѣкъ, и разномыслія между ними не наблюдается. Если студентъ по старой традиціи, уже отживающей, вступаетъ въ университетъ впервые съ чувствомъ піэтета, подобающаго храму свободной науки, ему съ первыхъ же шаговъ въ немъ приходится испытывать цѣлый рядъ разочарованій. Прежде всего формальности при самой записи, потомъ обязанность отмѣчать свое присутствіе на обязательныхъ лекціяхъ, видъ педелей, стоящихъ у дверей аудиторій, чтобы не пускать не записавшихся на читаемые въ нихъ курсы, присутствіе субъ-инспектора въ аудиторіи между лекціями, замѣчанія о неисправностяхъ въ установленномъ костюмѣ, иногда съ выговорами, чуть не на каждомъ шагу назойливыя, часто пристрастныя указанія, совѣты, даже приказанія — все это сначала удивляетъ новичка, какъ неожиданность, а потомъ волнуетъ и обижаетъ, какъ незаслуженное недовѣріе и униженіе. Наконецъ, недовольство переходитъ въ раздраженное негодованіе, когда онъ начинаетъ замѣчать, что онъ — поднадзорный, что за нимъ слѣдятъ, чтобы узнать, „благонадежный“ ли онъ. Войдя въ университетъ, студентъ долженъ быть всегда насторожѣ, слѣдить за своими словами и дѣйствіями несравненно съ большей внимательностью, чѣмъ гдѣ бы то ни было, помня непрестанно, какъ зорко слѣдятъ за нимъ. Это „систематическое соглядатайство“, постоянное стремленіе инспекціи читать въ душѣ, преслѣдующее студентовъ на каждомъ шагу, въ аудиторіяхъ, коридорахъ, швейцарскихъ, возмущаетъ ихъ всего болѣе. Такое натянутое, нервное состояніе продолжается все время, пока студентъ находится въ стѣнахъ университета.

Съ теченіемъ времени большинство студентовъ постепенно свыкается съ такими чувствами и порядками. Но это достается имъ цѣною прискорбныхъ нравственныхъ потерь, цѣною отчужденія отъ университета, охлажденія къ университетскимъ занятіямъ. Между ними и университетской администраціей устанавливаются отношенія двухъ враждебныхъ лагерей. Студенты относятся со скрытымъ недовѣріемъ ко всякому распоряженію университетскаго начальства, видя или подозрѣвая въ каждомъ его шагѣ покушеніе на свою личную свободу. Они сѣтуютъ также на недостатокъ близости и довѣрія между ними и профессорами и откровенно признаются, что „привыкли видѣть въ нихъ, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ ихъ, не друзей и старшихъ товарищей по научной работѣ, а тоже начальство“. Они горько жалуются на то, что при такомъ отношеніи „всѣ жгучіе, наболѣвшіе вопросы академической жизни каждому студенту приходится рѣшать самостоятельно, безъ всякаго освѣщенія ихъ со стороны людей болѣе опытныхъ, которые при живомъ отношеніи могли бы дать цѣнныя указанія, способныя предохранить студентовъ отъ крупныхъ ошибокъ“.

Такъ создается тяжкая „атмосфера недовольства, озлобленія и взаимнаго непониманія, которая разъединяетъ студентовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ соединяетъ ихъ на почвѣ недовольства, отдаляетъ отъ университета и отъ профессоровъ и порождаетъ періодически и регулярно повторяющіяся студенческія волненія". Многіе не мирятся съ такимъ строемъ университетской жизни и, не находя въ ней удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей, бываютъ вынуждены „въ концѣ концовъ искать этого удовлетворенія въ единственномъ выходѣ — тайной организаціи". Предусматривается и еще бо́льшая опасность: „на почвѣ современнаго ненормальнаго положенія студентовъ въ университетѣ могутъ развиться и найти себѣ ревностныхъ послѣдователей среди университетской молодежи всевозможныя крайнія и ложныя ученія".

* * *

Экономическое положеніе студентовъ. Въ ряду мѣръ для упорядоченія университетской, собственно студенческой жизни не послѣднее мѣсто занимаетъ устройство матеріальнаго вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ. Въ заявленіяхъ студентовъ встрѣчаемъ горькія жалобы на неравномѣрное и несправедливое распредѣленіе стипендій и пособій, на то, что степень недостаточности при этомъ распредѣленіи отходитъ на задній планъ, что стипендіи въ рукахъ инспекціи превращаются въ награду за благонадежность, зачетную исправность и т. п. Здѣсь важна не фактическая точность, а самая возможность подобныхъ жалобъ и подозрѣній. Желательно, чтобы не существовало никакихъ къ тому поводовъ. Насколько важенъ для студентовъ вопросъ о цѣлесообразномъ устройствѣ матеріальнаго вспомоществованія недостаточнымъ товарищимъ, объ этомъ можно судить по тому, что Союзный Совѣтъ землячествъ, первоначально поставившій себѣ главной цѣлью оказывать матеріальную поддержку своимъ членамъ, именно по вопросу о злоупотребленіи разными видами благотворительности со стороны инспекціи едва ли не впервые столкнулся съ университетскими порядками, проявилъ свое оппозиціонное направленіе.

Московскій университетъ съ примыкающими къ нему благотворительными учрежденіями располагаетъ весьма обильными средствами вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ. Это можно видѣть по нижеслѣдующимъ двумъ таблицамъ, изъ коихъ первая представляетъ распредѣленіе этихъ вспомогательныхъ средствъ по размѣрамъ, факультетамъ и курсамъ, а вторая — по источникамъ, изъ которыхъ эти средства почерпаются. Въ обѣихъ таблицахъ сведены данныя, относящіяся къ 1899—1900 академическому, послѣднему вполнѣ законченному, отчетному году. Эти данныя извлечены изъ записной инспекторской книги, изъ дѣлъ правленія университета и канцеляріи инспектора, изъ дѣлъ Комитета Общества для пособія нуждающимся студентамъ Московскаго Университета и изъ отчетовъ Лепешкинскаго общежитія и комитета общежитія имени Императора Николая II.

Факультетъ	Курсы	Общее число студентовъ	Число недостаточныхъ по отмѣткамъ инспекціи	Число получившихъ вспомоществованіе							
				Въ размѣрѣ свыше 250 и до 420 п платы за лекціи	Въ размѣрѣ отъ 200 и до 250 п платы за лекціи	Въ размѣрѣ менѣе 200 и до 100 п платы за лекціи	Въ размѣрѣ менѣе 100 руб. и полной платы за лекціи	Въ размѣрѣ полной платы за лекціи	Въ размѣрѣ 3/4 и 1/2 платы за лекціи	Въ размѣрѣ менѣе 40 рублей	Общее число
Филологическій	I	140	79	7	5	13	9	21	16	3	74
	II	72	46	6	7	5	1	12	7	4	42
	III	22	19	10	4	—	1	5	—	—	20
	IV	39	26	12	3	3	—	5	1	—	24
	Всѣхъ	273	170	35	19	21	11	43	24	7	160
Математическій	I	256	117	11	2	1	21	39	35	9	118
	II	110	64	10	—	2	14	14	9	1	50
	III	45	22	4	2	1	2	11	6	—	26
	IV	57	32	9	5	4	3	9	1	—	31
	Всѣхъ	468	235	34	9	8	40	73	51	10	225
Естественный	I	253	112	6	4	1	16	43	32	6	108
	II	172	83	7	2	5	17	25	12	7	75
	III	50	28	8	2	4	2	8	4	1	29
	IV	129	77	15	9	9	6	24	2	3	68
	Всѣхъ	604	300	36	17	19	41	100	50	17	280
Юридическій	I	491	198	9	5	6	24	65	49	22	180
	II	433	242	16	5	20	29	80	33	13	196
	III	351	185	20	17	12	27	64	21	13	174
	IV	248	109	19	7	10	30	30	5	3	104
	Всѣхъ	1523	734	64	34	48	110	239	108	51	654
Медицинскій	I	281	162	20	6	17	16	39	27	15	140
	II	283	177	16	9	11	25	59	26	14	160
	III	104	67	18	5	9	5	16	3	3	59
	IV	244	145	50	14	9	18	33	18	3	145
	V	237	146	48	8	15	9	23	26	5	134
	Всѣхъ	1149	697	152	42	61	73	170	100	40	638
Итого . . .		4017	2136	321	121	157	275	625	333	125	1957

Матеріальная помощь студентамъ въ 1899—1900 академическомъ году выразилась:

1. Въ выдачѣ стипендій на сумму приблизительно . . . 150 069 руб. 65 коп.
2. Въ освобожденіи отъ платы за слушаніе лекцій (считая годовую плату въ среднемъ равною 90 руб.) на сумму . 125 550 - — -
3. Въ выдачѣ пособій изъ казенныхъ и благотворительныхъ суммъ Университета на сумму . . . . . 41 695 - 39 -

Итого отъ Университета 317 315 руб. 04 коп.

4. Въ выдачѣ пособій отъ Комитета Общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ на сумму . . . 36 309 руб. 21 коп.
5. Въ выдачѣ безплатныхъ обѣдовъ на сумму . . . . . 22 570 - 34 -

Итого отъ Комитета 58 879 руб. 55 коп.

Переносъ итоговъ отъ Университета и Комитета	376 194	руб.	59	коп.
6. Въ пособіяхъ случайнаго характера на сумму	19 260	-	03	-
7. Въ даровомъ содержаніи 42 студентовъ въ Лепешкинскомъ общежитіи (считая въ среднемъ 9-тимѣсячное содержаніе въ 308 руб. 43 коп.) на сумму	12 954	-	06	-
8. Въ даровомъ содержаніи 6 студентовъ въ общежитіи Николаевскомъ на сумму	1 800	-	—	-
9. Въ скидкахъ съ платы за содержаніе въ Николаевскомъ общежитіи остальныхъ студентовъ	6 880	-	—	-
10. Въ уплатѣ комиссіями и отдѣленіями Комитета Николаевскаго общежитія за содержаніе въ этомъ общежитіи 10 студентовъ въ весеннемъ полугодіи	1 400	-	—	-
11. Въ выдачѣ пособій деньгами, платьемъ и обувью студентамъ Николаевскаго общежитія	582	-	—	-
Всего оказано помощи на сумму	419 070	руб.	68	коп.

Въ этотъ общій итогъ не вошли суммы, не поддающіяся учету, напримѣръ, стоимость содержанія студентовъ, живущихъ въ Ляпинскомъ общежитіи, такъ что этотъ итогъ можно признать минимальнымъ. Несмотря на столь обильныя средства вспоможенія въ 1899—1900 академическомъ году 69 студентовъ были уволены изъ университета за невзносъ платы.

* * *

Заявленія и мнѣнія профессоровъ. Отъ заявленій студентовъ о причинахъ университетскихъ волненій и изображенія ихъ настроенія и матеріальнаго положенія значительной ихъ части — Комиссія переходитъ къ заявленіямъ объ этомъ предметѣ со стороны профессоровъ. Вслѣдствіе приглашенія, обращеннаго Комиссіей къ профессорамъ и приватъ-доцентамъ, заявить о томъ, какъ они смотрятъ на причины постоянно возникающихъ въ университетахъ безпорядковъ и на мѣры къ ихъ предотвращенію, въ Комиссію поступили записки профессоровъ историко-филологическаго факультета, профессоровъ Н. Ю. Зографа, А. П. Павлова, В. И. Вернадскаго, А. М. Макѣева, Н. Филатова, И. В. Спижарнаго, Э. Е. Лейста, В. Д. Шервинскаго и приватъ-доцентовъ Новгородцева и Дена. Кромѣ того, заслуженный профессоръ Марковниковъ высказалъ лично свои взгляды на дѣло въ одномъ изъ засѣданій Комиссіи. Нѣкоторыя изъ выраженныхъ гг. профессорами мнѣній стоятъ въ тѣсной связи съ взглядами, которые они высказывали о томъ же предметѣ въ поданныхъ по начальству запискахъ въ 1899 году. Поэтому при сводкѣ профессорскихъ мнѣній приняты во вниманіе эти записки, а также докладная записка десяти профессоровъ (Н. А. Умова, К. А. Тимирязева, П. Г. Виноградова, А. И. Чупрова, В. И. Вернадскаго, И. М. Сѣченова, А. Н. Шварца, Ф. Ѳ. Фортунатова, Н. И. Стороженко и Н. А. Зелинскаго), поданная въ 1899 году покойному Министру Народнаго Просвѣщенія. Наконецъ, мѣстами затронуты, въ виду ихъ важности и близкаго отношенія къ предмету: докладъ комиссіи Кіевскаго университета по поводу мѣръ, предложенныхъ къ исполненію циркуляромъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 21-го іюля 1899 г., приложенная къ этому докладу записка профессора князя Евг. Трубецкаго и докладъ комиссіи физико-математическаго факультета Харьковскаго университета по поводу того же циркуляра.

Начнемъ съ характеристики причинъ безпорядковъ, какъ они выясняются различными записками.

Постоянно повторяющіеся и широко распространяющіеся безпорядки, какъ тѣ, съ которыми университетамъ пришлось имѣть дѣло въ послѣдніе годы,[1] представляютъ, конечно, явленіе такъ или иначе связанное со всѣмъ бытомъ страны и, доискиваясь ихъ общихъ и глубокихъ причинъ, можно дойти до обсужденія народно-психологическихъ свойствъ русской молодежи и особенностей историческаго момента, переживаемаго Россіей. Одинъ изъ профессоровъ отмѣчаетъ, напримѣръ, чрезвычайную возбудимость молодежи, которая заставляетъ ее преувеличенно реагировать въ смыслѣ оказанія протеста на каждый слухъ, хотя бы ложный, о какой-нибудь вопіющей несправедливости. Другой профессоръ въ 1899 году объяснялъ даже печальныя явленія въ университетахъ, между прочимъ, тѣмъ, что къ нашей молодежи, лѣнивой и легкомысленной, примѣняются порядки академической свободы, заимствованные изъ Германіи, гдѣ студенты отличаются трудолюбіемъ и выдержкой. На связь съ политическимъ настроеніемъ всего общества указываютъ многіе, хотя и въ разныхъ смыслахъ. „Бунтуетъ вся интеллигенція“, говорится въ одной запискѣ. „Какъ среди студентовъ, такъ и среди общества имѣются лица, которыя, будучи недовольны современнымъ строемъ вообще, желаютъ во что бы то ни стало производить безпорядки“, сказано въ другомъ мнѣніи. Какъ извѣстно, и въ обращеніи къ студентамъ отъ профессоровъ во время февральскихъ безпорядковъ настоящаго года было съ удареніемъ указано на печальное положеніе университета, сдѣлавшагося „какъ бы отдушиной“ для общественныхъ настроеній.

Однако, авторы записокъ и заявленій, за весьма рѣдкими исключеніями, признаютъ, что и для распознанія недуга, и для отысканія средствъ противъ него мало указывать на такія общія свойства народа или момента: передъ университетами стоитъ другая, болѣе опредѣленная задача — выяснить, какія стороны ихъ собственнаго строя вызываютъ справедливое неудовольствіе и содѣйствуютъ распространенію всякаго рода волненій въ университетской средѣ. Изъ суммы такихъ частныхъ наблюденій надъ дѣйствіями различныхъ органовъ общественной жизни получатся, надо думать, немаловажныя указанія относительно состоянія цѣлаго общества, но, во всякомъ случаѣ, ближайшей задачей университетовъ должны быть не разсужденія объ общемъ положеніи, а анализъ тѣхъ условій и проявленій даннаго состоянія, которыя ихъ спеціально касаются и имъ спеціально извѣстны.

Политическое недовольство даетъ себя несомнѣнно чувствовать во время безпорядковъ въ одной совершенно конкретной формѣ — въ формѣ агитаціи извнѣ, которая пользуется студенческими волненіями и разжигаетъ ихъ въ интересахъ революціонной пропаганды. На это внѣшнее руководство студенческими безпорядками указано было въ февральскомъ обращеніи къ студентамъ, въ немъ видѣло главную причину зла Особое Совѣщаніе при московскомъ учебномъ округѣ въ 1899 году, объ этой агитаціи извнѣ говорятъ въ своихъ запискахъ 1899 года попечитель округа и профессоръ Зерновъ, на-

[1] Здѣсь въ печатномъ оригиналѣ, очевидно по типографскому недосмотру, сдѣланъ какой-то пропускъ. Ред. „Об.“

конецъ, на ея ростѣ останавливается профессоръ князь Евг. Трубецкой, слѣдя въ своей обстоятельной запискѣ за тѣмъ, какъ начало нелегальности, подъ дѣйствіемъ котораго живутъ въ настоящее время студентскія сообщества, создало постепенно почву для всероссійской антиправительственной агитаціи въ средѣ этихъ сообществъ.

Но въ оцѣнкѣ значенія этого фактора мнѣнія раздѣляются. Между тѣмъ, какъ для однихъ это есть самый корень зла, для другихъ это лишь привходящее условіе, которое получаетъ серьезное значеніе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе ненормальностей въ строѣ университета и дѣйствіе котораго можетъ быть въ значительной степени парализовано улучшеніемъ этого строя. По выраженію князя Трубецкого, „никакое законодательство не въ состояніи уничтожить политической пропаганды извѣстнаго свойства, но оно можетъ устранить цѣлый рядъ условій нашей университетской жизни, которыя дѣлаютъ учащуюся молодежь особенно воспріимчивою къ такого рода пропагандѣ“. Добиться соглашенія въ оцѣнкѣ относительной силы этого фактора, конечно, нельзя: при невозможности приложенія количественнаго анализа къ подобнымъ наблюденіямъ придется ограничиваться болѣе или менѣе субъективными сужденіями. Но въ практическомъ смыслѣ контрастъ между мнѣніями ослабляется тѣмъ, что и тѣ, кто придаетъ очень большое значеніе пропагандѣ, не отрицаютъ, что условія почвы, на которую она попадаетъ, также весьма важны и что для противодѣйствія пропагандѣ необходимо, между прочимъ, оздоровленіе этой почвы.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ чисто университетскихъ условій, въ томъ видѣ, какъ они представляются авторамъ различныхъ записокъ, необходимо коснуться еще одного внѣуниверситетскаго условія, которому съ разныхъ сторонъ придается весьма важное значеніе, и оцѣнка котораго вліяетъ существеннымъ образомъ на предлагаемыя мѣры. Мы разумѣемъ постановку средней школы, которая, конечно, непосредственно вліяетъ на контингентъ слушателей университета. „Я думаю,“ говоритъ профессоръ Павловъ, посвятившій особенное вниманіе разсмотрѣнію этого условія, „что пока не реформируются гимназіи и не будутъ доставлять университету развитыхъ и воспитанныхъ молодыхъ людей, не вымуштрованныхъ, натасканныхъ для экзамена, полуобразованныхъ юношей, до тѣхъ поръ никакія реформы въ стѣнахъ университета не искоренятъ періодическихъ волненій.“ Неудовлетворительность гимназической подготовки, повторяемъ, признается со всѣхъ сторонъ, необходимость реформы въ этомъ отношеніи, для улучшенія контингента слушателей университета признана уже самимъ правительствомъ, и самая реформа подготовлена, какъ извѣстно, трудами высочайше учрежденной комиссіи 1900 года и предшествовавшими ей совѣщаніями при московскомъ учебномъ округѣ. Но въ сужденіяхъ профессоровъ и лицъ учебнаго начальства, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ настоящемъ случаѣ, вредные для университетовъ недостатки средней школы характеризуются съ двухъ прямо противоположныхъ точекъ зрѣнія. Докладъ харьковской комиссіи, записки профессоровъ Павлова и Филатова такъ же, какъ большая часть профессорскихъ заявленій, поданныхъ въ совѣщаніи о средней школѣ, отчасти и за-

писка попечителя округа въ 1899 году, направлены къ тому, чтобы показать, какъ мало дѣлаетъ современная гимназія для общаго образованія и развитія своихъ питомцевъ, какъ устарѣли и омертвѣли ея методы, какое вредное воспитательное вліяніе оказываетъ ея антипедагогическій строй, основанный на бюрократіи и розни между директоромъ и преподавательскимъ персоналомъ (см. особенно записку профессора Павлова).

Наоборотъ, инспекторъ Державинъ и нѣкоторые изъ профессоровъ видятъ главную бѣду въ „распущенности“ гимназіи, въ недостаточномъ примѣненіи къ ней начала дисциплины, въ недостаточной строгости экзаменнаго отбора, противъ вліянія котораго такъ энергично протестуетъ профессоръ Павловъ. Авторъ одного изъ мнѣній сѣтуетъ, что число абитуріентовъ въ гимназіяхъ московскаго округа постепенно возрастаетъ и съ сожалѣніемъ указываетъ на конецъ 70-хъ годовъ, когда въ пятой гимназіи, напримѣръ, изъ трехсотъ приблизительно учениковъ оканчивало курсъ человѣкъ 7, 9. Безъ сомнѣнія, отъ этихъ воззрѣній на постановку и работу гимназій зависитъ очень многое въ сужденіяхъ о положеніи дѣлъ въ университетѣ: примирить эти взгляды нельзя, но приходится отмѣтить, что большая часть подавшихъ записки признавала необходимость раздѣлить до нѣкоторой степени вопросы. Какъ бы ни была тѣсна связь между средней школой и высшей, какъ ни необходима реформа первой, нельзя трактовать о всѣхъ вопросахъ въ одно время и за одинъ разъ.

Реформа средней школы такъ или иначе разрабатывается, профессорамъ придется считаться съ нею и необходимо вліять на нее, но реформа высшей школы является не менѣе настоятельной, и въ настоящее время рѣчь должна идти прежде всего о ней.

Та же группа записокъ, въ которой высказывается мысль о распущенности и чрезмѣрной снисходительности нашихъ гимназій, проводитъ по отношенію къ университету мнѣніе, что „онъ переполненъ въ ущербъ какъ успѣшности учебныхъ занятій, такъ и поддержанію въ немъ порядка. Во-первыхъ, на многолюдныхъ факультетахъ скопляются такія массы студентовъ, что не хватаетъ на нихъ не только учебно-вспомогательныхъ пособій, но даже просто мѣста. А затѣмъ, большинство въ этомъ множествѣ“, читаемъ мы въ этихъ запискахъ, „привлечено въ университетъ никакъ не желаніемъ знанія или образованія, а стремленіемъ получить дипломъ и связанныя съ нимъ выгодныя права. Такими побужденіями объясняется праздность и легкомысліе части студентовъ, объясняется и та „легкость“, съ которой они бросаются очертя голову во всевозможные безпорядки“.

Въ большей части записокъ проводится, однако, совершенно другой взглядъ на студентовъ, изъ совершенно иныхъ побужденій объясняются даже ихъ провинности. Профессоръ Павловъ указываетъ на то, что студенты младшихъ курсовъ встрѣчаютъ въ университетѣ въ значительной степени ту же скудость общеобразовательнаго элемента и тотъ же формализмъ властей и наставниковъ, которые побуждали ихъ въ гимназіяхъ искать руководства въ своемъ духовномъ развитіи не у школы, а въ случайныхъ воздѣйствіяхъ прессы, журналистики. Профессоръ Вернадскій характеризуетъ роковую двойственность, которая проходитъ черезъ все положеніе русскаго сту-

дента: „По закону онъ разсматривается, какъ отдѣльный, не связанный съ товарищами слушатель и посѣтитель университета, но тотъ же студентъ по своему нравственному чувству, по исторически сложившимся и все проникающимъ традиціямъ, есть живой членъ самодѣятельной, солидарной, цѣльной группы русской молодежи, принадлежитъ къ опредѣленной, идеальной корпораціи. Онъ привыкаетъ къ этому взгляду чуть не съ дѣтства, онъ его видитъ въ произведеніяхъ великихъ русскихъ писателей, въ традиціяхъ русской интеллигентной семьи, во всей почти полуторастолѣтней исторіи русскаго общественнаго самосознанія". Приватъ-доцентъ П. И. Новгородцевъ опровергаетъ на основаніи личнаго опыта мнѣнія тѣхъ, кто думаетъ, будто бы къ волненіямъ причастны только студенты, присутствіе которыхъ нежелательно въ университетѣ. „Молодежь говоритъ онъ, чуткая и живая, не можетъ не волноваться, когда въ ближайшихъ условіяхъ своей университетской жизни она чувствуетъ тягость внѣшнихъ стѣсненій, нарушающихъ столь высоко цѣнимыя ею достоинство и самостоятельность личности. Къ этому присоединяется юношеская вѣра въ свои силы и въ торжество своихъ начинаній. Студенты глубоко вѣрятъ, что стоитъ заявить справедливыя и нравственныя требованія, чтобы они нашли для себя отзвукъ въ обществѣ. Другіе, настроенные болѣе скептически, считаютъ все же своею обязанностью нравственный протестъ, хотя бы и безплодный. За какое же изъ этихъ качествъ требуется карать ихъ суровыми наказаніями — за молодую чуткость и отзывчивость, за вѣру въ идеальныя начала или за убѣжденіе въ необходимости нравственнаго протеста, сопряженнаго съ готовностью самопожертвованія. Говорятъ, что во время безпорядковъ проявляются буйныя страсти и забывается всякая мѣра, что на допросахъ студенты держатъ себя грубо и отвѣчаютъ невѣжливо. Трудно ожидать отъ молодежи безусловной корректности въ минуту общаго возбужденія, но я смѣю завѣрить, что знаю нѣкоторыхъ изъ участниковъ безпорядковъ за лицъ чрезвычайно сдержанныхъ и серьезно занимающихся въ обычное время. Среди нихъ можно встрѣтить и студентовъ старшихъ курсовъ съ большимъ научнымъ интересомъ и съ очень основательными познаніями. Конечно, въ общей массѣ встрѣчаются самыя разнообразныя категоріи. Отрицать это невозможно; но я положительно настаиваю на томъ, что очень многочисленная категорія состоитъ изъ студентовъ, серьезно занимающихся и способныхъ, одаренныхъ живымъ умомъ и нравственной выдержкой. Не слѣдуетъ также забывать, что еще болѣе значительная категорія студентовъ, занимающихся и серьезныхъ, не участвуя активно въ безпорядкахъ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ личныхъ или семейныхъ обстоятельствъ, внутренне стоитъ безусловно на сторонѣ волнующихся. Нерѣдко это именно тѣ, которые всего болѣе страдаютъ нравственно. Они мучаются и колеблются, не знаютъ, какъ поступить и въ извѣстныя минуты, несмотря ни на что, всетаки переходятъ на сторону товарищей".

„Что среди студентовъ, сочувствующихъ безпорядкамъ, очень много занимающихся и способныхъ, это было особенно легко прослѣдить во время экзаменовъ двухъ послѣднихъ лѣтъ, наблюдая въ 1899 г. тѣхъ, кто явился на экзамены, и затѣмъ въ 1900 г., экзаменуя вто-

рогодниковъ, уклонившихся отъ испытанія въ цѣляхъ протеста въ предшествующемъ году. Но если это наблюденіе вѣрно, то отсюда вытекаетъ глубокая несправедливость и полная нецѣлесообразность суровой политики обузданія". Записка князя Евг. Трубецкого посвящена, главнымъ образомъ, изложенію того процесса, въ силу котораго слагавшіяся но необходимости въ университетахъ студенческія общества для матеріальной взаимопомощи, для самообразованія, для нравственнаго товарищескаго единенія, изъ нелегальныхъ становились оппозиціонными, а изъ оппозиціонныхъ революціонными, несмотря на отрицательное отношеніе студенчества и даже большинства своихъ членовъ къ антиправительственной агитаціи. Пребывающая же на почвѣ законности часть студенчества, при всей своей многочисленности, совершенно безсильна, потому что не организована. Кромѣ прямыхъ вредныхъ послѣдствій такого порядка, онъ имѣетъ косвенное послѣдствіе, не менѣе опасное: говоря словами кн. Трубецкого, основной недостатокъ всѣхъ неисполнимыхъ законовъ и правилъ заключается въ томъ, что самая невозможность ихъ исполненія вызываетъ убѣжденіе въ безсиліи власти, обязанной ихъ примѣнять и отстаивать. Приватъ-доцентъ Денъ подчеркиваетъ другую сторону все того же ненормальнаго положенія студентовъ въ университетѣ — атмосферу недовѣрія, которой они постоянно окружены и которая сама по себѣ пробуждаетъ въ нихъ нежелательныя чувства и отношенія. Въ запискахъ профессора Зернова и десяти профессоровъ также указывается съ удареніемъ на ненормальность положенія, при которомъ студенты являются лишь отдѣльными посѣтителями университета.

То-же недовѣріе, которое опредѣляетъ отношеніе закона, правилъ и властей къ студентамъ, проникаетъ все положеніе профессоровъ. „Теперешній профессоръ, въ сущности, тотъ же приватъ-доцентъ, являющійся въ университетъ для чтенія лекцій и производства экзаменовъ. Не ясно ли, что уставъ 1884 года, разбивъ солидарность профессорской корпораціи, лишилъ въ то же время университетъ одного изъ его главныхъ оплотовъ?" (записка десяти профессоровъ). Въ томъ-же смыслѣ высказываются кіевская и харьковская комиссіи, записки князя Трубецкого, Вернадскаго и Дена, и съ нѣкоторыми ограниченіями это признано было въ 1899 г. въ запискахъ попечителя округа и покойнаго декана юридическаго факультета Легонина. По мнѣнію двухъ послѣднихъ, уставъ 1884 г., во всякомъ случаѣ, столько же отклонился отъ прямого пути своимъ недовѣріемъ къ профессорской корпораціи и отнятіемъ у нея всякихъ правъ, сколько уставъ 1863 г. отклонился въ сторону ослабленія правительственной власти въ университетахъ.

Въ частности, въ связи съ только-что указанными ненормальными условіями въ положеніи студентовъ и профессоровъ отмѣчаются недостатки цѣлаго ряда учрежденій теперешняго бюрократическаго строя. Кіевская комиссія указывала на паденіе авторитета властей и на рознь между ними, отразившуюся даже въ уставѣ на странномъ положеніи инспектора, подчиненнаго и не подчиненнаго ректору. Бывшій помощникъ ректора Московскаго университета указалъ въ 1899 г. на подобную же рознь и неясность, проходящую чрезъ

статьи о власти попечителя: и онъ, и ректоръ поставлены, какъ непосредственные начальники университета, границы ихъ вліянія не проведены точно, и этимъ ослабляется отвѣтственность того и другого.

Хотя въ запискѣ инспектора Державина и въ заключеніяхъ Особаго Совѣщанія 1899 года положеніе инспекціи признается недостаточнымъ лишь въ томъ смыслѣ, что ей дано недостаточно власти и не хватаетъ численнаго состава, но въ запискахъ профессоровъ часто указывается на совершенно неподходящій характеръ, принятый этимъ институтомъ. Къ педелямъ, дѣйствовавшимъ до 1899 г., возвращаться не приходится, но и современные помощники инспектора берутся за неблагодарное и непосильное дѣло, стремясь провести опеку и полицейскій надзоръ надъ дѣйствіями и даже мыслями студентовъ — изъ этого выходятъ лишь раздраженіе и столкновенія (Вернадскій, Денъ).

Особенно тягостное впечатлѣніе производитъ современная постановка такъ называемаго суда и наказанія за университетскіе проступки. Обвиненіе и слѣдствіе находятся всецѣло въ рукахъ инспекціи, которая своими кондуитными помѣтками оказываетъ существенное вліяніе на приговоръ, а инспекторъ, какъ членъ правленія, участвуетъ прямо въ его произнесеніи. Произволъ въ примѣненіи наказаній усиливается тѣмъ, что иногда вмѣсто формы приговора употребляется форма непринятія въ число студентовъ послѣ огульнаго увольненія. Противъ смѣшенія судебныхъ и административныхъ функцій въ рукахъ правленія высказывался въ 1899 г. и попечитель округа. Наказанія примѣняются внѣ всякой соразмѣрности винѣ, благодаря административнымъ высылкамъ, которыя слѣдуютъ за умѣренными съ виду карами правленія. Все это порождаетъ сознаніе несправедливости и злобу, которыя приносятъ свои плоды и въ университетахъ, и внѣ ихъ (записка десяти профессоровъ).

Такимъ образомъ, помимо широкихъ вопросовъ и общихъ вліяній, на чисто университетской почвѣ, указывается рядъ явленій, которыя, каждое порознь, заставляютъ задуматься и требуютъ исправленія, а всѣ вмѣстѣ несомнѣнно способны вызвать проявленія изучаемаго недуга — безпорядковъ.

* * *

Мнѣніе Комиссіи о причинахъ безпорядковъ. Приведенныя выше выдержки изъ заявленій и записокъ студентовъ и профессоровъ — хотя Комиссія могла передать ихъ лишь въ самомъ сжатомъ видѣ — даютъ довольно полное представленіе о тѣхъ сторонахъ современнаго университетскаго быта, на которыя можно указывать для объясненій студенческихъ волненій. Комиссія, однако, полагаетъ, что въ этомъ отношеніи слѣдуетъ выдѣлить явленія, создающія благопріятную почву для волненій или усиливающія ихъ — какъ, напримѣръ, теперешнюю организацію суда — отъ настоящихъ причинъ этихъ волненій. Причины эти явствуютъ изъ хода и развитія университетскихъ безпорядковъ.

Изъ вышеизложеннаго очерка студенческихъ волненій въ Московскомъ университетѣ можно усмотрѣть, что, тогда какъ болѣе раннія

изъ нихъ имѣли случайный характеръ, студенческіе безпорядки съ конца 80-хъ годовъ становятся хроническими и повсемѣстными, въ нихъ проявляется опредѣленная система. Прежніе безпорядки заставали студентовъ врасплохъ; они наскоро сбѣгались на „сходки", чтобы потолковать между собой о случившемся, избрать депутатовъ для переговоровъ съ начальствомъ и т. д. Въ девяностыхъ годахъ значительная часть студентовъ принадлежитъ къ тайной организаціи студенчества; руководители этой организаціи становятся вожаками сходокъ, и самыя сходки являются не столько выраженіемъ временнаго волненія, сколько средствомъ борьбы за свободу студенческой организаціи. Хотя эта организація назрѣла лишь въ послѣдніе годы настолько, чтобы давать себя чувствовать въ возбужденіи и направленіи студенческихъ волненій, она началась давно и коренится въ глубокой потребности студентовъ въ ассоціаціяхъ. Самая эта потребность проистекаетъ изъ двухъ различныхъ источниковъ: съ одной стороны, изъ желанія недостаточныхъ студентовъ найти помощь у товарищей, а у болѣе достаточныхъ оказать эту помощь. Первая мысль объ организаціи такой взаимопомощи возникла среди студентовъ въ началѣ 1858 г. и была формулирована среди нихъ въ рѣчи, сказанной однимъ изъ нихъ 12-го января 1858 г. послѣ акта. Тутъ же было приступлено къ организаціи кассы взаимопомощи, которая получила затѣмъ широкое развитіе и находилась нѣсколько лѣтъ подъ руководствомъ тогдашняго профессора, а впослѣдствіи попечителя рижскаго и петербургскаго учебныхъ округовъ М. Н. Капустина.

Другой источникъ потребности ассоціацій нужно искать въ естественномъ стремленіи къ общенію среди молодыхъ людей. Въ университетахъ, подъ вліяніемъ общихъ интересовъ, новыхъ идей, можно сказать, новаго міровоззрѣнія, открывающагося передъ студентами, такое стремленіе должно быть особенно сильно; желаніе обмѣняться мыслями, подѣлиться сомнѣніями, провѣрить собственныя убѣжденія невольно влечетъ товарищей другъ къ другу, а это общеніе представляется студентамъ, и въ извѣстной мѣрѣ и дѣйствительно можетъ служить, главнымъ условіемъ собственнаго какъ умственнаго, такъ и нравственнаго развитія.

Удовлетворенію обѣихъ этихъ потребностей взаимопомощи и общенія людей, одинаково настроенныхъ и связанныхъ общими интересами, идетъ на встрѣчу землячество, т. е. группа студентовъ, пріѣхавшихъ изъ одного и того же города. Многіе изъ пріѣзжихъ, не имѣя въ Москвѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ, принуждены прибѣгнуть къ совѣту и указаніямъ земляковъ даже по самымъ простымъ житейскимъ вопросамъ: отысканію квартиры, выбору столовой и т. п. Немудрено поэтому, что первыя землячества возникли въ Москвѣ давно, лѣтъ 40 тому назадъ. Съ тѣхъ поръ число ихъ стало постепенно увеличиваться и дошло въ 80-хъ годахъ до 38.

Соотвѣтствуя естественной потребности пріѣзжей молодежи, такія землячества могли бы при правильномъ развитіи имѣть благопріятное вліяніе на своихъ участниковъ и не имѣть вреднаго значенія для университета. Недаромъ землячества именно связаны своими корнями съ первоначальной университетской организаціей. Во всѣхъ

средневѣковыхъ университетахъ студенчество группировалось по землячествамъ, nationes, и эта организація сохранилась до сихъ поръ въ Германіи, гдѣ старинныя землячества служатъ въ настоящее время, главнымъ образомъ, спорту и общенію молодежи.

Но при своемъ возникновеніи въ Россіи землячества не нашли себѣ благопріятной почвы. Не предусмотрѣнныя университетскимъ уставомъ, они сторонились отъ глаза властей и скоро получили нелегальное значеніе.

Трудно въ настоящее время взвѣсить, сколько вреда принесъ этотъ фактъ отдѣльнымъ студентамъ и всему университету. Вслѣдствіе своей нелегальности, землячества все болѣе и болѣе увлекали своихъ членовъ на путь оппозиціи противъ университетскихъ порядковъ. Въ виду особеннаго риска отвѣтственности, которому подвергались вожаки, во главѣ землячествъ естественно становились студенты, наиболѣе смѣлые и предпріимчивые, можно даже прибавить — наиболѣе недовольные своимъ личнымъ положеніемъ или общими порядками. Въ особенности обострились враждебныя отношенія землячествъ къ университетскимъ порядкамъ, когда начались попытки объединить ихъ, организовать ихъ подъ властью общаго комитета, такъ называемаго Союзнаго Совѣта объединенныхъ землячествъ, и образовать этимъ способомъ боевую силу для борьбы не только противъ университетскихъ порядковъ, но и для цѣлей, лежащихъ внѣ сферы университетскихъ интересовъ. Роль Союзнаго Совѣта, постепенный захватъ имъ власти надъ землячествами, быстро увеличивавшееся вмѣшательство его во всѣ сферы университетской жизни съ замѣчательной ясностью и полнотой изображены въ вышеупомянутой запискѣ, составленной профессоромъ кн. Евг. Трубецкимъ для Совѣта кіевскаго университета послѣ безпорядковъ 1899 г. Записка составлена на основаніи многочисленныхъ, исходившихъ отъ самого Союзнаго Совѣта документовъ и съ очевидностью доказываетъ выводъ, что „антиакадемическія тенденціи студенческой организаціи обусловливаются ея тайнымъ конспиративнымъ характеромъ“ и что „Союзный Совѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ настоящее время, опасенъ, именно благодаря его нелегальному подпольному характеру“.

Такимъ образомъ, приходится прежде всего установить, что причиной студенческихъ волненій были вытекавшія изъ потребности общенія студенческія ассоціаціи и самыя мѣры, направленныя къ ихъ преслѣдованію.

III. Мѣры для устраненія и предупрежденія студенческихъ волненій.

Заявленія студентовъ. Обращаясь отъ обозрѣнія причинъ, вызывавшихъ студенческія волненія, къ мѣрамъ, могущимъ содѣйствовать ихъ устраненію и предупрежденію, комиссія, какъ и въ первой части своего доклада, представитъ сначала перечень мѣръ, указанныхъ въ заявленіяхъ, поступившихъ отъ студентовъ и профессоровъ Московскаго университета.

Исходя изъ сознанія всего пагубнаго вліянія на университетскую жизнь какъ вышеприведенной главной причины университетскихъ безпорядковъ, такъ равно и ряда другихъ причинъ второстепеннаго значенія, студенты различныхъ факультетовъ и курсовъ указываютъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ на необходимыя и неотложныя реформы современнаго университетскаго быта, долженствующія, по ихъ мнѣнію, служить прочными гарантіями къ устраненію многихъ нежелательныхъ осложненій университетской жизни.

Сюда относятся слѣдующія проектируемыя нововведенія:

1. Правильно поставленная организація студенческихъ корпорацій. Ближайшею цѣлью такой организаціи выставляются въ заявленіяхъ правильность, систематичность и бо́льшій успѣхъ въ занятіяхъ, равно какъ и сближеніе товарищей для болѣе активного участія въ университетской жизни. Организація должна развить духъ единенія въ студентахъ во имя высокихъ нравственныхъ началъ, составляющихъ главную силу университетской жизни; въ то же время этой организаціи приписывается важное значеніе по ея вліянію на членовъ студенческихъ обществъ, поучающихъ искусству управлять собой и другими и представляющихъ могущественный элементъ противодѣйствія крайне возмутительному явленію шпіонства, вносящему деморализирующее вліяніе въ студенческую среду. Наконецъ — правильно учрежденныя организаціи гарантируютъ справедливый товарищескій судъ.

Корпоративная организація студентовъ въ ихъ заявленіяхъ предполагается двоякаго рода: а) курсовыя и б) по группамъ.

а) На курсовыя организаціи возлагается: 1. Матеріальная поддержка: исполненіе относящихся сюда обязанностей возлагается на казначея и на комиссію изъ нѣсколькихъ выборныхъ отъ курса лицъ для пріисканія занятій нуждающимся студентамъ, равно какъ и для правильнаго распредѣленія стипендій. 2. Установленіе правильныхъ отношеній къ явленіямъ академической жизни; сюда относятся — разрѣшеніе различныхъ вопросовъ, касающихся студенческой жизни и интересовъ ихъ: товарищескій судъ, изданіе лекцій, читальня, сношенія съ профессорами. Въ ряду этихъ мѣръ особенно важное значеніе придается учрежденію товарищескаго суда. Отсутствіе правильной организаціи, лишающее студентовъ возможности сближенія въ виду упомянутыхъ цѣлей просвѣщенія, отнимаетъ у нихъ въ то же время всѣ средства борьбы противъ нежелательныхъ проявленій со стороны отдѣльныхъ, недостойныхъ лицъ изъ среды студенчества, поступки которыхъ идутъ порой въ явный разрѣзъ съ общимъ характеромъ направленія его. Товарищескій судъ, имѣющій судить виновныхъ за проступки, не подлежащіе ни общему, ни университетскому суду, выставляется не обходимой мѣрой для поднятія нравственнаго уровня студентовъ и для поддержанія чести университета.

Въ случаѣ возникновенія факультетскихъ или общеуниверситетскихъ вопросовъ представители курсовъ собираются для общаго подсчета голосовъ. Курсовыя собранія должны быть постоянными и правильными и происходить въ стѣнахъ университета. Вопросы разрѣшаются большинствомъ голосовъ наличнаго состава. Руководите-

лями преній на собраніяхъ могутъ быть: или избранный студентъ, или преподаватель (профессоръ, приватъ-доцентъ, магистрантъ).

б). Организація по группамъ. Такого рода учрежденія преслѣдуютъ цѣли духовнаго развитія. Групповыя собранія основаны на почвѣ общихъ научно-литературныхъ, художественныхъ интересовъ. Членами такого рода кружковъ, изъ которыхъ каждый представляетъ самостоятельное цѣлое, должны быть студенты различныхъ факультетовъ, приглашающіе въ свою среду и преподавателей. Если существованіе кружковъ безъ выдающагося участія преподавателей не можетъ быть разрѣшено, то выборъ руководителя долженъ быть предоставленъ членамъ кружка.

Организаціи по группамъ приписывается важное значеніе. Вслѣдствіе свободнаго выбора предмета занятій и руководителей, они должны въ значительной мѣрѣ способствовать сближенію студентовъ и профессоровъ.

Въ виду осуществленія стремленія къ болѣе обширной организаціи, предлагается признать законность существованія за кружками землячествъ, которыя имѣютъ за собой извѣстную традицію самостоятельныхъ обществъ, возникшихъ изъ насущныхъ потребностей студенческой жизни и въ теченіе продолжительнаго времени оказывавшихъ дѣятельную помощь отдѣльнымъ членамъ студенческой корпораціи, укрѣплявшихъ, такимъ образомъ, нравственную связь въ студенческой средѣ.

Въ непосредственную связь съ учрежденіемъ организацій заявленія ставятъ вопросъ объ измѣненіи постановки преподаванія, настоятельно требуя преобразованія по отношенію къ способу веденія практическихъ занятій, системѣ слушанія лекцій, а также вопросу о гонорарѣ и платѣ.

Проектируемыя по этому пункту преобразованія сводятся: 1. къ болѣе широкой свободной организаціи практическихъ занятій, въ значительной мѣрѣ способствующихъ сближенію студентовъ съ профессорами; 2. къ допущенію свободнаго выбора предметовъ занятій, опредѣляющагося правомъ посѣщенія лекцій и практическихъ курсовъ на другихъ факультетахъ, представляющихъ интересъ для студентовъ, равно къ освобожденію отъ непремѣннаго посѣщенія такъ называемыхъ обязательныхъ предметовъ, относительное значеніе которыхъ должно опредѣляться лишь сохраненіемъ за ними обязательнаго экзамена или замѣняющаго его зачета,[1] и — къ свободному посѣщенію всѣхъ диспутовъ; 3. къ измѣненію системы экзаменовъ: устраненію пріурочиванія ихъ къ извѣстному сроку и назначенію по соглашенію съ преподавателями и къ отмѣнѣ экзаменовъ Государственной Комиссіи, и 4. къ измѣненію системы гонорара, весьма стѣснительной для студентовъ, такъ какъ она связана съ числомъ посѣщаемыхъ лекцій и лишаетъ возможности многихъ студентовъ съ ограниченными средствами слушать другіе курсы, представляю-

[1] Студенты историко-филологическаго факультета I и II курсовъ указываютъ на недостатки существующей системы зачетовъ, имѣющей исключительно формальный характеръ и не удовлетворяющей требованіямъ. Студенты предлагаютъ расширить программу ихъ въ томъ смыслѣ, чтобы зачетныя работы производились по всѣмъ обязательнымъ предметамъ курса, а не по однимъ древнимъ языкамъ. Студенту должно быть предоставлено право выбора тѣхъ 2—3 предметовъ, по которымъ онъ представляетъ зачетныя работы. Темы должны предлагаться профессоромъ по соглашенію съ студентами и въ возможно большемъ числѣ для удобства выбора.

щіе для нихъ иногда немаловажный интересъ. Предлагаемое измѣненіе системы гонорара и платы сводится къ суммарному вознагражденію, равняющемуся извѣстной нормѣ, независимо отъ числа посѣщаемыхъ лекцій. На ряду съ тѣмъ указывается на крайне желательное пониженіе платы, признаваемой многими по размѣрамъ весьма стѣснительной, и, наконецъ, на расширеніе круга помощи нуждающимся студентамъ.

Второй, въ высшей степени важной, реформой выставляется учрежденіе автономіи университета.

Слѣдуетъ отмѣтить, что во всѣхъ студенческихъ заявленіяхъ вопросы объ автономіи и организаціи студенческихъ корпорацій разсматриваются параллельно и ставятся на выдающійся планъ въ ряду другихъ проектируемыхъ мѣропріятій, какъ два существенно важныхъ начала, связанныхъ одной общей идеей и являющіяся при успѣшномъ и точномъ осуществленіи ихъ прочнымъ залогомъ правильнаго теченія и развитія университетской жизни.

Тогда какъ въ нѣкоторыхъ заявленіяхъ упоминается лишь кратко о настоятельной необходимости возстановленія устава 1863 года, въ другихъ вопросъ объ автономіи подвергается болѣе внимательному разбору и ставится на первое мѣсто.

Во главѣ всего университетскаго дѣла, согласно этому докладу, должна стоять строго авторитетная, внушающая уваженіе власть, гарантирующая точными, опредѣленными правилами неприкосновенность правъ и обязанностей учрежденія. Такимъ гарантирующимъ началомъ является автономія профессорской корпораціи, состоящая изъ людей, болѣе или менѣе независимыхъ, которые по своему научному и общественному развитію легче и удобнѣе обсуждаютъ всякіе, а тѣмъ болѣе „щекотливые университетскіе вопросы“. Только эта корпорація въ состояніи регулировать или даже предотвращать тѣ волненія, корень которыхъ лежитъ въ ненормальностяхъ академической жизни.

Выразителемъ мнѣній корпораціи является Совѣтъ. Значеніе Совѣта было особенно выдвинуто уставомъ 1863 года и низведено на минимальную степень нынѣ дѣйствующимъ уставомъ.

Для большей полноты, разносторонности въ проявленіи дѣятельности Совѣта предлагается ввести въ его составъ не только профессоровъ, но и приватъ-доцентовъ, многіе изъ которыхъ несутъ разныя обязанности съ профессорами и нерѣдко пользуются симпатіями студентовъ.

Въ вопросахъ академической жизни Совѣтъ не долженъ зависѣть отъ попечителя, которому принадлежитъ только контроль. Ректоръ, какъ предсѣдатель Совѣта, не долженъ быть облеченъ большею властью сравнительно съ другими членами. Онъ избирается Совѣтомъ изъ среды профессоровъ и утверждается министромъ или Высочайшею властью.

Въ непосредственной связи съ вопросомъ объ автономіи стоитъ учрежденіе университетскаго, независимаго, самостоятельнаго суда, являющагося однимъ изъ важныхъ мѣропріятій къ урегулированію университетской жизни. Предсѣдателемъ суда должно состоять лицо постороннее, съ спеціальнымъ юридическимъ образованіемъ, избираемое Совѣтомъ среди наиболѣе способныхъ и извѣстныхъ своей про-

фессіональной этикой присяжныхъ повѣренныхъ. Въ помощь предсѣдателю избирается Совѣтомъ изъ профессоровъ 3—4 засѣдателя, изъ которыхъ одинъ долженъ быть юристъ. При такомъ составѣ суда изъ компетентнаго юриста-предсѣдателя и членовъ-профессоровъ, хорошо освѣдомленныхъ объ особенностяхъ университетской жизни, исключается всякое пристрастіе и произволъ въ судопроизводствѣ, напротивъ, такой судъ является вполнѣ правильнымъ, такъ какъ при постановкѣ рѣшенія не только принимаетъ во вниманіе фактическія основанія дѣла, но входитъ въ опредѣленіе и психологической стороны въ интересѣ обвиняемыхъ.

Проектируемая форма суда, гласнаго и доступнаго всякому желающему присутствовать на немъ студенту, представляетъ, по мнѣнію авторовъ заявленій, большія преимущества передъ существующимъ судомъ Правленія, представляющимъ большую аномалію въ строѣ академической жизни. На проектируемый новый судъ студенты возлагаютъ большія надежды и просятъ Комиссію обратить особенное вниманіе на этотъ пунктъ доклада.

Всѣ проступки, подлежащіе вѣдѣнію университетскаго суда, трудно опредѣлить заранѣе, но, въ главномъ, судомъ должны быть разбираемы всѣ столкновенія студентовъ съ должностными лицами въ университетѣ и внѣ его, равно и столкновенія между студентами, если таковыя не влекутъ за собой уголовнаго преслѣдованія и не подлежатъ общегосударственному и гражданскому суду.[1] Студентъ, недовольный рѣшеніемъ суда, можетъ апеллировать по первой инстанціи въ Совѣтъ и, далѣе, къ Министру Народнаго Просвѣщенія.

Слѣдующей мѣрой къ урегулированію университетской жизни должна служить реформа инспекціи. Современная постановка дѣятельности инспекціи является, по единодушному выраженію всѣхъ заявленій, однимъ изъ существенныхъ золъ академической жизни и постоянной причиной студенческихъ волненій.

Такого рода вліяніе объясняется въ заявленіяхъ крайне противорѣчивыми по существу инструкціями, данными инспекціи. Представители ея не могутъ ограничиваться, по своимъ инструкціямъ, однимъ наблюденіемъ за внѣшнимъ порядкомъ въ стѣнахъ университета — на нихъ лежитъ и обязанность благожелательнаго попеченія объ учащихся и сношенія съ ними по вопросамъ научныхъ занятій. Такого рода и столь различныя, по существу, функціи являются совершенно несовмѣстными. Съ другой стороны, постоянное вмѣшательство во внутреннюю жизнь студентовъ представителей инспекціи признается крайне тяжелымъ. Нѣкоторыя проявленія дѣятельности инспекціи совершенно несовмѣстны съ основными началами университетской жизни. Возникшая на почвѣ недовѣрія начальства къ студентамъ, пользующаяся въ исполненіи своихъ обязанностей способами тайнаго выслѣживанія, имѣющая на ряду съ тѣмъ право извѣстнаго контроля надъ студенческими занятіями, инспекція, по словамъ заявленій, внушаетъ студентамъ лишь неуваженіе и озлобленіе, оказываетъ порой прямо деморализующее вліяніе и по-

[1] Въ ряду проступковъ, которымъ приписывается политическій характеръ, не всѣ, однако, подходятъ подъ эту категорію; такъ, дѣятельность Исполнительнаго Комитета, служащаго выраженіемъ мнѣній и стремленій студенчества, должна быть изъята отсюда и подлежать поэтому также академическому суду.

этому служитъ, какъ упомянуто выше, одной изъ причинъ частыхъ студенческихъ волненій.

Вслѣдствіе этого, во всѣхъ почти заявленіяхъ настоятельно предлагается ограничить дѣятельность инспекціи лишь надзоромъ за внѣшнимъ порядкомъ въ университетскихъ зданіяхъ. Посѣщеніе аудиторій субъ-инспекторами въ промежутки между лекціями крайне нежелательно, такъ какъ подаетъ нерѣдко поводъ къ раздраженію. Въ нѣкоторыхъ заявленіяхъ высказывается желаніе полнаго подчиненія инспекціи Совѣту университета. По смыслу этихъ заявленій субъ-инспекторы могутъ служить передаточной инстанціей между канцеляріей и студентами. Чисто же полицейская дѣятельность ихъ становится излишней при осуществленіи свободы студенческихъ организацій.

Помимо указанныхъ выше главныхъ началъ академической жизни, требующихъ реформы, въ заявленіяхъ студентовъ выдвигается рядъ отдѣльныхъ вопросовъ, имѣющихъ второстепенное значеніе, но также подлежащихъ внимательному разсмотрѣнію. Сюда относятся:

Заявленія отдѣльныхъ лицъ и группъ студентовъ относительно ходатайства Комиссіи о полной амнистіи студентовъ, замѣшанныхъ въ послѣднихъ безпорядкахъ.

Заявленія студентовъ-евреевъ о тяжеломъ ихъ положеніи въ Университетѣ. Ходатайство ихъ объ отмѣнѣ параграфа устава объ ограниченіи процента числа евреевъ при поступленіи въ Университетъ, объ уравненіи правъ относительно отвѣтственности за проступки, о разрѣшеніи имъ получать пособія и стипендіи.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ заявленіяхъ указывается на необходимость уничтоженія существующаго правила объ ограниченіи пріема вновь поступающихъ студентовъ извѣстнымъ учебнымъ округомъ.

Таковы главныя причины, нарушающія правильный ходъ университетской жизни и настоятельно требующія введенія регулирующихъ эту жизнь мѣропріятій, какъ они опредѣляются въ большинствѣ студенческихъ заявленій.

Отмѣчая здѣсь въ суммарномъ докладѣ эти важнѣйшіе пункты, Комиссія не можетъ не упомянуть въ заключеніи о вполнѣ благопріятномъ впечатлѣніи, вынесенномъ ею изъ ближайшаго знакомства съ отдѣльными записками студентовъ.

За весьма немногими исключеніями всѣ они проникнуты искренними, свободными отъ всякихъ постороннихъ соображеній стремленіями улучшить ненормально поставленную жизнь Университета, исходящими изъ вѣрнаго пониманія главныхъ задачъ и цѣлей университетскаго образованія, во всѣхъ проявляется одно общее грустное сознаніе крайней изолированности положенія и полной невозможности, несмотря на истинно честныя стремленія, жить согласно съ лучшими традиціями Университета.

Если многія изъ проектируемыхъ реформъ являются въ заявленіяхъ недостаточно разработанными, то тѣмъ не менѣе онѣ освѣщены твердымъ сознаніемъ ихъ неотложности, съ достаточной рельефностью отмѣчены въ принципіальномъ смыслѣ — и въ этомъ отношеніи могутъ служить руководящими исходными точками зрѣнія въ дѣятельности Комиссіи.

* * *

Мнѣнія профессоровъ. Переходя къ разсмотрѣнію мѣръ, предложенныхъ въ заявленіяхъ профессоровъ противъ студенческихъ безпорядковъ, комиссія считаетъ необходимымъ, какъ и по вопросу о причинахъ, напомнить о томъ, что она призвана лишь высказаться о предметѣ въ предѣлахъ университетской жизни. Поэтому она отмѣтитъ лишь еще разъ, что нѣкоторыя записки, сильно указывающія на печальное положеніе средней школы, требуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ ея коренной реформы (особенно мнѣніе профессора А. П. Павлова). Вопросъ переходитъ уже прямо на университетскую почву, когда возникаетъ мысль о необходимости отгородить университетъ отъ гимназіи и производить тщательный отборъ при принятіи получившихъ аттестатъ зрѣлости въ университетъ. Въ этомъ смыслѣ высказалось въ 1899 году Особое Совѣщаніе (пункты 2 и 3), при чемъ главными средствами для отбора были признаны повѣрочныя, а иногда и конкурентныя испытанія для опредѣленія способностей и знаній и сообщеніе гимназіями подробныхъ „характеристикъ“ своихъ абитуріентовъ, въ видахъ недопущенія въ университетъ элементовъ ненадежныхъ въ воспитательномъ отношеніи. Эти резолюціи Особаго Совѣщанія опираются на мнѣнія, поданныя нѣсколькими лицами въ 1899 году. Помимо прямой цѣли — предварительнаго отбора подходящихъ для университетскаго образованія субъектовъ — мѣры эти должны имѣть другое послѣдствіе, важное для поддержанія порядка въ университетѣ — уменьшеніе числа студентовъ въ немъ.

Къ тѣмъ же цѣлямъ направляется и другая изъ предложенныхъ мѣръ. Дѣло идетъ объ отнятіи у университетскаго диплома, каковымъ по существу является дипломъ государственныхъ испытательныхъ комиссій, всякаго отношенія къ правамъ служебнымъ или профессіональнымъ. Университетскія испытанія должны быть лишь испытаніями на ученыя степени, въ томъ числѣ и на степень кандидата, а права служебныя и профессіональныя должны пріобрѣтаться комиссіонными испытаніями, независимыми отъ прохожденія университетскаго курса. Въ результатѣ такой мѣры, по мысли предлагающихъ ее, большинство юношей, которые теперь поступаютъ въ университетъ, не поступятъ въ него, а будутъ просто готовиться къ экзаменамъ на дипломы или поступятъ въ качествѣ вольныхъ слушателей, а такихъ въ случаѣ безпорядковъ легко будетъ удалять безъ всякихъ осложненій.

Въ связи съ такими взглядами на доступъ въ университетъ и его характеръ, какъ высшаго образовательнаго учрежденія, стоятъ предложенія объ организаціи его, какъ спеціальной школы. Отдавая открытое предпочтеніе спеціальнымъ школамъ, авторъ одного изъ этихъ предложеній рекомендуетъ такой распорядокъ занятій въ университетѣ, чтобы студенты были заняты съ утра до вечера и притомъ, въ виду свойствъ русской натуры, подъ постояннымъ контролемъ и съ неуклоннымъ устраненіемъ всѣхъ, кто признается неподходящимъ. Для этихъ цѣлей должны служить репетиціи, строгіе экзамены, обязательныя практическія занятія, усиленный учебный надзоръ. Поднятіе дисциплины также достаточно ясно подчеркнуто въ этой запискѣ, но ему посвящено особенное вниманіе авторомъ другой записки. Изъ ряда частныхъ мѣръ, указанныхъ имъ съ

цѣлью „подтянуть“ студентовъ, упомянемъ лишь о присутствіи помощниковъ инспектора на лекціяхъ и практическихъ занятіяхъ. Наконецъ, въ ряду мѣръ къ усиленію бюрократическаго начала въ университетѣ, слѣдуетъ упомянуть о предложеніи сдѣлать ректора въ полномъ смыслѣ слова начальникомъ университета, отдѣливъ его должность отъ положенія и званія профессора.

Въ иномъ направленіи, конечно, разсуждаютъ тѣ, кто видитъ причину зла не въ недостаточности опеки и репрессіи, а въ чрезмѣрности ихъ. Проф. Павловъ, напримѣръ, хотя и является горячимъ сторонникомъ реформы гимназій, но въ университетскомъ преподаваніи предлагаетъ восполнить недостатки общеобразовательной подготовки гимназистовъ прежде всего учрежденіемъ общеобразовательныхъ курсовъ, недостаточность учебновспомогательныхъ средствъ университетовъ усиленіемъ этихъ средствъ. Комиссіи Кіевскаго и Харьковскаго университетовъ высказались за допущеніе бо́льшей свободы преподаванія и бо́льшей свободы слушанія въ соотвѣтствіи возрасту молодыхъ людей и назначенію университетовъ, какъ учрежденій, осуществляющихъ связь между науками и преслѣдующихъ цѣли не только спеціально профессіональныя. Записки десяти профессоровъ, В. И. Вернадскаго, Дена, въ противоположность мысли объ усиленіи инспекціи и развитіи ея функціи, рекомендуютъ ограниченіе ея дѣятельности прямыми обязанностями надзора за порядкомъ и снятіе съ нея неисполнимой роли по духовной опекѣ студенчества. Въ связи съ этимъ указывается и на излишнее вмѣшательство общей полиціи въ чисто университетскія дѣла, которое придаетъ студенческимъ проступкамъ характеръ политическихъ преступленій, а всѣхъ студентовъ обращаетъ въ особый разрядъ поднадзорныхъ (Записки 10 профессоровъ, профессора Зографа).

Ближайшимъ къ постановкѣ инспекціи вопросомъ является вопросъ объ университетскомъ судѣ, его составѣ, производствѣ и системѣ наказаній. Послѣ безпорядковъ 1899 года попечитель округа рекомендовалъ учрежденіе внѣуниверситетскаго суда при учебномъ округѣ для сужденія о важнѣйшихъ проступкахъ. Въ запискѣ 10 профессоровъ указывалось на необходимость постановки университетскаго суда на началахъ независимости и законности. Наиболѣе подходящими средствами для этого являются, по мнѣнію авторовъ записки, избраніе Совѣтомъ университетскаго судьи изъ числа авторитетныхъ членовъ судебныхъ учрежденій города и засѣдателей изъ числа профессоровъ, опредѣленная градація наказаній и соблюденіе по дѣламъ о важнѣйшихъ проступкахъ общихъ началъ, обязательныхъ для судовъ.

Наибольшее вниманіе привлекали, естественно, вопросы объ организаціи профессорской коллегіи и объ организаціи студенчества.

Съ возстановленіемъ профессорской коллегіи связаны, по взглядамъ десяти профессоровъ, комиссій Кіевской и Харьковской, князя Трубецкого, профессора Вернадскаго, приватъ-доцентовъ Новгородцева и Дена, всѣ надежды на улучшеніе порядковъ въ университетѣ. Коллегіальная организація не предохранитъ, конечно, отъ появленія безпорядковъ, этого вообще нельзя достигнуть никакими мѣрами, но „дѣло въ томъ, чтобы придать какъ можно болѣе вѣса сторонѣ за-

кона и порядка, и въ этомъ отношеніи сплоченная, самоуправляющаяся университетская корпорація будетъ силой, способной оказывать нравственное вліяніе на студентовъ и защищать порядокъ" (Записка 10 профессоровъ). Докладъ Кіевской комиссіи, установивъ тотъ фактъ, что какъ самый Уставъ 1884 года, такъ и основанная на немъ долголѣтняя практика Министерства Народнаго Просвѣщенія ослабили авторитетъ профессоровъ, выдвигаетъ необходимость возстановить авторитетъ Совѣта въ университетѣ и отмѣчаетъ, что „желательная твердость и единодушіе въ образѣ дѣйствій профессоровъ по отношенію къ студенческимъ безпорядкамъ всего лучше обезпечиваются при томъ условіи, если самый Уставъ дастъ профессорамъ возможность дѣйствовать коллегіально".

Комиссія физико-математическаго факультета указывала съ особеннымъ удареніемъ на то, что университетской коллегіи должно быть возвращено право самопополненія, которое связываетъ авторитетъ отдѣльнаго профессора съ нравственнымъ авторитетомъ всей коллегіи, и лишеніе котораго, послѣ долгаго пользованія имъ, есть прямое выраженіе его недовѣрія. Въ меньшей степени, какъ сказано было выше, необходимость расширить компетенцію Совѣта признана была въ 1899 г. и попечителемъ округа, хотя онъ сопроводилъ это указаніе предложеніемъ, чтобы для ближайшаго контроля надъ Совѣтами была учреждена новая должность „помощниковъ попечителя". По мнѣнію же одного изъ профессоровъ, Правленію слѣдовало бы хотя бы „для свѣдѣнія", сообщать Совѣту о ходѣ дѣлъ въ университетѣ. Этимъ было бы, вѣроятно, ослаблено завистливое отношеніе и оппозиціонное направленіе профессоровъ.

Къ вопросу объ организаціи студентовъ Особое Совѣщаніе 1899 г. допустило лишь образованіе подъ руководствомъ профессоровъ ученыхъ и литературныхъ Обществъ и высказалось противъ всякаго рода союзовъ взаимопомощи въ студенческой средѣ. Инспекторъ Державинъ посвятилъ въ своей Запискѣ особый отдѣлъ мѣрамъ противъ землячествъ и курсовыхъ организацій. Однако, изъ лицъ, вошедшихъ въ составъ Особаго Совѣщанія, ректоръ Д. Н. Зерновъ высказался опредѣленно въ пользу допущенія ассоціацій, въ которыхъ принимали бы участіе студенты, считая необходимымъ придать этимъ ассоціаціямъ характеръ корпорацій не чисто-студенческихъ, но обнимающихъ и бывшихъ студентовъ. Записка кн. Евг. Трубецкого, какъ уже было сказано, посвящена, главнымъ образомъ, исторіи студенческихъ обществъ и союзовъ и приходитъ къ тому заключенію, что „для правильнаго теченія нашей академической жизни необходимы такія условія, которыя бы давали возможность сочувствующему порядку большинству нашей молодежи сплотиться и организоваться на почвѣ закона". „Въ предѣлахъ цѣлей взаимопомощи студенческая организація въ русскихъ университетахъ вытекаетъ изъ коренной, не уничтоженной бытовой потребности, вслѣдствіе чего правительству остается одно изъ двухъ: или оставить все по прежнему, т. е. терпѣть въ университетѣ безусловно опасную и вредную для него нелегальную организацію, или же узаконить такія студенческія общества, которыя отвѣчали бы названной потребности, ввести ихъ въ естественныя ихъ границы, подчинить ихъ правительственному

контролю и такимъ образомъ образовать организацію вполнѣ академическую, полезную для университета и въ истинномъ смыслѣ слова консервативную. Невозможно сомнѣваться, что изъ двухъ заслуживаетъ предпочтенія; третьяго же разрѣшенія вопроса, отличнаго отъ этихъ двухъ, быть не можетъ, такъ какъ многолѣтній опытъ уже достаточно доказалъ невозможность искорененія студенческихъ корпорацій однѣми полицейскими мѣрами". Въ томъ же смыслѣ высказываются записки 10 профессоровъ, проф. Вернадскаго, приватъ-доцентовъ Дена и Новгородцева.

* * *

Мнѣніе Комиссіи. Изложивъ взгляды отдѣльныхъ профессоровъ на средства къ устраненію и предупрежденію студенческихъ безпорядковъ, Комиссія съ своей стороны коснется этого вопроса. При обсужденіи мѣръ противъ повтореній студенческихъ волненій приходится прежде всего обратиться къ мѣрамъ, до сихъ поръ прилагавшимся, и взвѣсить ихъ дѣйствительность и цѣлесообразность. Это были мѣры исключительно репрессивныя; исходили онѣ отъ университетской инспекціи, отъ правленія, какъ судебной инстанціи, отъ полиціи, отъ охраннаго отдѣленія и, наконецъ, отъ министерства („временныя правила"). Во всѣхъ этихъ случаяхъ замѣтна одна выдающаяся черта — постоянное усиленіе мѣръ и каръ, къ которымъ приходилось прибѣгать; собственно уже однимъ этимъ обстоятельствомъ подрывается значеніе указанныхъ мѣръ и доказывается ихъ несостоятельность. Но помимо этой проявившейся на дѣлѣ безуспѣшности репрессивныхъ мѣръ, онѣ подлежатъ критикѣ по самому ихъ существу.

Инспекторскій надзоръ за студентами въ аудиторіяхъ, чѣмъ онъ внимательнѣе, тѣмъ болѣе становится мелоченъ и тѣмъ сильнѣе раздражаетъ студентовъ, и если они въ спокойное время и сносятъ терпѣливо такой надзоръ, то при волненіяхъ неудовольствіе противъ надзора является для многихъ однимъ изъ сильнѣйшихъ личныхъ мотивовъ для того, чтобы примкнуть къ сходкѣ, и обыкновенно становится первымъ поводомъ къ столкновенію съ начальствомъ.

Что касается до полицейскаго воздѣйствія, то мы разумѣемъ здѣсь не тѣ дѣйствія полиціи, которыя относятся къ поддержанію порядка и благочинія на улицѣ или совершаются въ стѣнахъ университета по приглашенію университетскаго начальства. Здѣсь могутъ происходить случайныя столкновенія и излишества, которыя не всегда легко предотвратить. Но необходимо взвѣсить значеніе для спокойствія университета тѣхъ распоряженій полиціи, которыя имѣютъ цѣлью предупредить безпорядки или усилить кару за произведенные безпорядки и заключаются въ арестахъ и въ высылкахъ изъ Москвы болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ этимъ безпорядкамъ лицъ и иногда распространяются на десятки и сотни лицъ. Что касается до высылокъ, являющихся слѣдствіемъ увольненія студента Правленіемъ, то онѣ теперь происходятъ на основаніи циркуляра Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по Департаменту Полиціи отъ 13 сентября 1899 года за № 1637. Съ педагогической

точки зрѣнія нельзя не пожалѣть объ этомъ распоряженіи. Угроза высылки за увольненіе, даже если она извѣстна студенту, едва ли кого-либо удержитъ отъ участія въ сходкѣ или демонстраціи, потому что эти дѣйствія совершаются въ сильно возбужденномъ состояніи или подъ вліяніемъ чувства товарищества, не позволяющаго хладнокровно разсуждать. А между тѣмъ такая высылка болѣе чѣмъ удваиваетъ кару и становится почти всегда несоразмѣрнымъ съ проступкомъ наказаніемъ. Затѣмъ оно легко становится несправедливымъ, имѣя весьма различныя послѣдствія для лицъ, ему подвергнувшихся, смотря потому, высылаются ли уволенные студенты на родину или изъ родины (если они изъ университетскаго города), имѣютъ ли они чѣмъ жить на мѣстѣ высылки или нѣтъ, высылаются ли срочно или безсрочно, на годъ или на два. Во всякомъ случаѣ слухи о послѣдовавшихъ высылкахъ, иногда преувеличенные, чрезвычайно волнуютъ студентовъ, даже и неприкосновенныхъ къ безпорядкамъ, — уже не говоря объ отдѣльныхъ ошибкахъ, которыя возможны при массовыхъ высылкахъ и объ отдѣльныхъ трагическихъ случаяхъ, сильно возбуждающихъ студентовъ, когда, напримѣръ, высылаемые были недостаточно снабжены деньгами или одеждой. Въ виду этого возникаетъ вопросъ, что перевѣшиваетъ — ожидаемая ли польза отъ высылокъ, какъ средства удалять безпокойныхъ, или ихъ вредъ, какъ средства вызывать озлобленіе. Высылки всегда будутъ представляться молодежи несправедливыми и произвольными и потому будутъ убивать въ нихъ уваженіе къ закону, а именно воспитаніе въ университетской молодежи чувства законности — одна изъ главнѣйшихъ гарантій сохраненія порядка и лучшій залогъ полезной для государства дѣятельности будущихъ гражданъ и чиновниковъ.

Что касается до „временныхъ правилъ“, то они доказали свою непримѣнимость. Она обусловливается крайнимъ несоотвѣтствіемъ проступка и наказанія, т. е. нарушеніемъ самаго элементарнаго основанія справедливости. Вслѣдствіе этого эти правила и не достигли, какъ показываетъ опытъ, своей цѣли, т. е. ни въ одномъ университетѣ не удержали студентовъ отъ сходокъ, — а при такихъ условіяхъ они становятся ненужною жестокостью. Комиссія не считаетъ нужнымъ останавливаться на другихъ соображеніяхъ, которыя можно привести противъ „временныхъ правилъ“. Единственная польза отъ всѣхъ этихъ репрессивныхъ мѣръ та, что всякій безпристрастный человѣкъ можетъ теперь убѣдиться въ ихъ безполезности и въ необходимости держаться относительно студентовъ другой политики. Политика эта должна исходить изъ сердечнаго отношенія къ учащейся молодежи, — а это сердечное отношеніе заключается въ слѣдующемъ: отнюдь не преувеличивать значенія студенческихъ волненій и потому относиться къ нимъ спокойнѣе и равнодушнѣе. Хотя бы эти волненія выражались въ сходкахъ и забастовкахъ — это вспышки, которымъ нужно дать время пройти. Немудрено, что участники сходокъ готовы преувеличивать общественное значеніе своихъ демонстрацій; но обществу и администраціи нужно помнить, что эта молодежь — граждане только академическіе. Нужно помнить, что большинство этой молодежи всегда относится пассивно,

а иногда и враждебно къ волненіямъ; нужно опираться на это большинство и дать ему время проявить свою силу инерціи, а не толкать ее поспѣшными репрессивными мѣрами на сторону волнующихся. Относительно же самихъ волнующихся нужно помнить — даже если у нихъ и не было справедливаго повода къ неудовольствію — что эти волненія обусловливаются жаромъ и пыломъ молодости, что это потокъ вешнихъ водъ, временно вышедшій изъ береговъ, и что избытокъ жара и пыла молодости — драгоцѣнный даръ, если сумѣть его направить туда, гдѣ онъ можетъ быть плодотворенъ.

Ничто такъ не убѣждаетъ въ недостаточности однихъ репрессивныхъ мѣръ для устраненія волненій и въ ихъ способности создавать настроеніе, обусловливающее волненіе, какъ изученіе тѣхъ нелегальныхъ гектографированныхъ листковъ, которыхъ такъ много хранится въ архивѣ университета и попечителя учебнаго округа. Съ одной стороны, приходится отмѣтить любопытный фактъ, что тайная организація утрачиваетъ свой „престижъ“, какъ скоро къ ней не примѣняется репрессія. Такъ, одна прокламація, изданная до начала послѣднихъ безпорядковъ, свидѣтельствуетъ, что „дѣло объ организаціи падаетъ“, вожаки жалуются на „ослабленіе движенія“ и тщетно взываютъ къ вступленію въ составъ организаціи и образованію новыхъ группъ (ноябрь 1900 г.). Согласно съ этимъ, другая прокламація жалуется, что „кіевскія событія“ застали студентовъ „врасплохъ“, и сѣтуетъ на слабость организаціи, на „роковое присутствіе въ университетѣ ультра-консервативныхъ элементовъ, вытекающихъ изъ экономическихъ условій“, разумѣя подъ этимъ стипендіи „благонамѣреннымъ“. Авторы этихъ разсужденій ищутъ „неуспѣха забастовки въ коренныхъ условіяхъ студенческаго строя“. Съ другой стороны, видно, какъ репрессивныя мѣры и угрозы суровыхъ взысканій даютъ поводъ возбуждать неудовольствіе среди массы студенчества и въ патетическихъ выраженіяхъ призывать къ оппозиціи. Нелегальная литература доказываетъ съ очевидностью, что „временныя правила“ вмѣсто сдержки стали „причиной движенія“, что подъ давленіемъ этой угрозы назрѣвало гнетущее сознаніе въ невозможности „жить и работать подъ дамокловымъ мечемъ“. Вся исторія студенческихъ волненій, насколько она отразилась въ тайной студенческой литературѣ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, какъ соразмѣрно съ усиленіемъ репрессіи растутъ притязанія нелелегальныхъ студенческихъ кружковъ захватить власть надъ студентами, расширить свою компетентность и распространить ее далеко за предѣлы чисто студенческихъ интересовъ. Эти кружки не только требуютъ „отмѣнить форму или удешевить ее“, отмѣнить плату или „взимать ее только съ богатыхъ“, но и хотятъ „судить товарищей, не примыкающихъ къ сообществу“, „порицать профессоровъ“, „самостоятельно рѣшать вопросы, возбужденные академическою жизнью, устраивать общероссійскіе съѣзды“; нелегальная литература показываетъ также, съ какимъ легковѣріемъ принимаются и распространяются слухи о необыкновенныхъ успѣхахъ студенческаго движенія въ другихъ городахъ, о „сочувствіи общества“ и т. п. слухи, которые не опровергаются или тщетно опровергаются въ виду запрещенія печати касаться этихъ вопросовъ.

Какъ эта литература, такъ и вся исторія студенческихъ движеній и, наконецъ, опытъ культурныхъ государствъ должны побудить насъ искать исцѣленія отъ укоренившагося въ нашихъ университетахъ недуга не въ усиленіи репрессивныхъ мѣръ, не въ уничтоженіи университета, т. е. въ расторженіи его на спеціальныя заведенія — развѣ спеціальныя заведенія не участвовали въ волненіи? — а въ преобразованіяхъ, т. е. въ устраненіи тѣхъ позднѣйшихъ наростовъ, которые мѣшаютъ нормальному теченію жизни, въ возвращеніи къ истиннымъ университетскимъ традиціямъ. Сообразно съ этимъ и не входя въ излишнія подробности, которыя отвлекли бы вниманіе Совѣта отъ сущности дѣла и которыя могутъ быть установлены лишь по рѣшеніи принципіальнаго вопроса, Комиссія выскажется о главныхъ сторонахъ университетскаго строя, подлежащихъ преобразованію, а именно: 1. о студенческихъ организаціяхъ, 2. объ университетскомъ судѣ и о взысканіяхъ, 3. объ инспекціи, 4. о свободѣ слушанія лекцій и 5. о компетентности Совѣта университета.

* *
*

Студенческія организаціи. 1. Какъ выше было доказано, усиленіе и вредное направленіе тайной студенческой организаціи несомнѣнно вызваны были все усиливавшейся безпощадной полицейской репрессіей, направленной противъ этой организаціи съ цѣлью искорененія ея, а на самомъ дѣлѣ приведшей къ тому, что организаціи этой придавался все болѣе и болѣе „конспиративный“ характеръ, и въ исполнительные органы ея начали проникать наиболѣе радикальные элементы.

Прискорбное явленіе это было бы немыслимо, если бы, исходя изъ правильнаго пониманія разумныхъ и естественныхъ нуждъ и потребностей учащейся молодежи, дана была возможность студентамъ соединяться въ разнаго рода союзы на законномъ основаніи, подъ попечительствомъ, руководствомъ и контролемъ профессоровъ и университетскаго начальства.

Такимъ образомъ, назрѣлъ вопросъ о томъ, оставить-ли по-прежнему въ университетахъ безусловно старую и вредную тайную организацію, неискоренимую, какъ засвидѣтельствовалъ опытъ, однѣми лишь репрессивными мѣрами, или же узаконить такую студенческую организацію, которая, не представляя никакой опасности для правильнаго теченія академической жизни, соотвѣтствовала-бы разумнымъ и естественнымъ стремленіямъ и потребностямъ студенчества? Можно ли продолжать упорствовать въ воззрѣніи на природную потребность къ общенію и къ товариществу, какъ на преступленіе? Цѣлесообразно ли дальше оставлять большинство студентовъ въ нравственномъ одиночествѣ и, наконецъ, не пора-ли вспомнить, что у студентовъ есть живая душа и притомъ еще молодая, съ психологіей которой необходимо считаться?

Въ виду вышеизложенныхъ соображеній комиссія считаетъ безусловно необходимою правильную и законную организацію студенчества, при чемъ задачи различныхъ организованныхъ группъ могутъ быть слѣдующія: 1. взаимопомощь, 2. нравственная поддержка

товарищества; 3. благотворное воздѣйствіе старшихъ студентовъ на младшихъ; 4. научныя и учебныя цѣли и 5. культурное и вообще полезное и здоровое времепрепровожденіе, въ связи съ таковыми же развлеченіями.

Само собой разумѣется, что организацію студентовъ необходимо вводить, въ предѣлахъ возможности, постепенно и съ должной осторожностью. Что же касается вопроса о томъ, какая именно организація цѣлесообразна и допустима, то отвѣтъ подсказывается самою жизнью и, можно сказать, традиціями университета. Внутренняя исторія университета уже выработала четыре формы для группировки студентовъ и каждая изъ нихъ глубоко коренится въ общихъ условіяхъ русскаго университетскаго быта. Эти четыре типичныхъ формы: организація курсовая, земляческая, кружковая и общая.

Курсовая организація естественно вытекаетъ изъ усвоенной нашими университетами учебной системы съ ея обязательными лекціями, сгруппированными по опредѣленной учебной программѣ, расчитанной на 4 года или на 5 лѣтъ. Благодаря этой системѣ, молодые люди, одновременно поступившіе на извѣстный факультетъ, ежедневно видятся между собой и сплачиваются въ извѣстную группу, связанную между собой ближайшимъ товариществомъ, общими интересами и общими воспоминаніями. Естественно, что въ минуту волненій эта связь еще живѣе ощущается и выражается въ желаніи моральнаго единенія и общаго дѣйствія подъ руководствомъ избранныхъ представителей. Но и въ спокойное время можетъ проявиться потребность въ постоянной организаціи на курсовомъ началѣ. Такая организація узаконена у насъ въ Военно-Медицинской Академіи, и, хотя студенты Академіи относительно числа, условій пріема и обстановки жизни находятся въ значительно иномъ положеніи, чѣмъ студенты университетовъ вообще и студенты многолюдныхъ университетовъ въ особенности, однако, не взирая на эту разницу, и въ университетахъ курсовая организація могла бы найти себѣ примѣненіе преимущественно для цѣлей учебныхъ, а также для установленія болѣе тѣснаго общенія между учащими и учащимися. Курсовая организація имѣетъ то преимущество, что собираетъ товарищей, занимающихся не только однѣми и тѣми-же науками, но даже и одними же курсами, а потому связующимъ началомъ является общность учебныхъ интересовъ. Въ нѣкоторыхъ немноголюдныхъ провинціальныхъ университетахъ эта организація могла-бы быть не только курсовою, но и факультетскою; въ Московскомъ же университетѣ обсужденіе общефакультетскихъ учебныхъ вопросовъ, касающихся всѣхъ курсовъ каждаго даннаго факультета, можетъ быть допущено въ общихъ собраніяхъ всѣхъ курсовыхъ представителей, какъ это предусмотрѣно, напримѣръ, въ § 1-мъ положенія о курсовой организаціи въ Военно-Медицинской Академіи. Такими курсовыми представителями являлись бы избираемые каждымъ курсомъ „старосты“, въ количествѣ отъ 3 до 6 членовъ отъ каждаго курса. Кромѣ того, въ экстренныхъ и исключительныхъ случаяхъ, при возникновеніи вопросовъ, имѣющихъ общеуниверситетское значеніе, могутъ быть допускаемы и общія собранія представителей (старостъ) не только всѣхъ курсовъ даннаго факультета, но и всѣхъ

факультетовъ, при участіи руководителей-профессоровъ. Допущеніемъ такихъ собраній устранялся бы всякій поводъ какихъ-либо общихъ сходокъ, вообще нежелательныхъ и нецѣлесообразныхъ, какъ по существу, такъ и по формѣ.

2. Земляческая организація, какъ указано выше, органически связана съ идеей университета, какъ центральнаго образовательнаго учрежденія, привлекающаго своихъ питомцевъ въ огромномъ числѣ изъ всѣхъ частей страны. Средневѣковое студенчество поэтому вездѣ группировалось по земляческимъ корпораціямъ, и эти корпораціи сохранились, какъ извѣстно, въ Германіи, служа исключительно цѣлямъ товарищества и спорта. Въ Московскомъ университетѣ потребность въ землячествахъ давала себя мало чувствовать до 60-хъ гг., въ виду ограниченнаго числа студентовъ и существованія казеннаго общежитія, куда принимались пріѣзжіе и бѣдные. Но тотчасъ по уничтоженіи этого общежитія и при одновременно возрастающемъ наплывѣ студентовъ изъ провинцій земляческая организація стала возникать у насъ сама собой, при чемъ есть землячества, которыя существуютъ уже 40 лѣтъ и насчитываютъ десятки членовъ. Эта организація, конечно, опять при участіи въ ней педагогическаго персонала, хотя-бы, напримѣръ, въ формѣ почетнаго попечительства, представляетъ значительныя преимущества для осуществленія остальныхъ вышеуказанныхъ цѣлей студенческихъ организацій вообще, въ особенности же для взаимопомощи, распредѣленія матеріальныхъ средствъ, притекающихъ со стороны, содѣйствія наиболѣе правильному и справедливому распредѣленію пособій и стипендій и, наконецъ, для организаціи суда чести, если бы таковой былъ допущенъ. Преимущества этихъ организацій сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что 1. онѣ состоятъ изъ лицъ, болѣе или менѣе знакомыхъ между собой со школьной скамьи; 2. сохраняя связь съ провинціальнымъ обществомъ, онѣ имѣютъ возможность привлекать къ себѣ большія матеріальныя средства; 3. вновь пріѣзжіе студенты съ наибольшей охотой примыкаютъ именно къ этой организаціи; 4. младшіе члены такой организаціи будутъ встрѣчаться тамъ со старшими членами-земляками и испытывать, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, благотворное вліяніе послѣднихъ, ибо студенты старшихъ курсовъ, въ большинствѣ случаевъ, относятся къ своимъ академическимъ правамъ и обязанностямъ значительно вдумчивѣе и серьезнѣе, чѣмъ студенты младшихъ курсовъ; 5. въ земляческихъ организаціяхъ будутъ встрѣчаться студенты различныхъ факультетовъ, а это чрезвычайно желательно въ цѣляхъ взаимнаго образованія и, кромѣ того, вполнѣ соотвѣтствуетъ задачѣ университета, какъ особаго типа высшей ученой школы.

3. Многіе студенты, а, можетъ, и большинство ихъ останется внѣ землячествъ: такъ, напр., можно думать, что московскіе уроженцы не будутъ имѣть повода вступить въ особое московское землячество. Однако, и такіе студенты могутъ имѣть потребность въ товарищескомъ общеніи. Эта потребность предусмотрѣна министерскимъ циркуляромъ отъ 21-го іюля 1899 года (напечатанномъ въ приложеніи къ докладу Комиссіи), гдѣ прекрасно изложены общія основанія для образованія научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ.

Главное различіе между кружковой и земляческой организаціями заключается, конечно, въ томъ, что первая будетъ представлять собой болѣе подвижную по своему составу и менѣе прочную организацію. Въ виду этого Комиссія полагаетъ, что земляческія организаціи должны имѣть особый уставъ, утверждаемый Совѣтомъ университета, отвѣтственность за соблюденіе котораго должна быть возложена на старшинъ, избираемыхъ землячествомъ. Кружки же могутъ быть разрѣшаемы ректоромъ университета, согласно съ особой инструкціей, которая должна быть выработана по этому дѣлу Совѣтомъ. Разрѣшеніе ректора необходимо для того, чтобы гарантировать участникамъ кружка право собираться. Способъ контроля за кружками и землячествами долженъ быть указанъ въ инструкціи ректору и въ уставахъ землячествъ, подробная регламентація которыхъ не входитъ въ задачи Комиссіи.

4. Наконецъ, Комиссіи остается высказаться относительно четвертой формы студенческихъ ассоціацій. Взаимопомощь есть одна изъ существенныхъ потребностей современнаго студенчества и одно изъ благороднѣйшихъ проявленій духа товарищества. Общества взаимопомощи все чаще и чаще возникаютъ среди людей одинакихъ профессій и интересовъ. Въ университетѣ общая касса взаимопомощи можетъ имѣть чрезвычайно полезное педагогическое вліяніе на молодыхъ людей, побуждая ихъ думать объ интересѣ ближнихъ и вызывая чувство благодарности у тѣхъ, которымъ прійдется воспользоваться услугами этой кассы. Землячества съ своими кассами взаимопомощи, конечно, будутъ до извѣстной степени удовлетворять этой потребности — какъ было выше замѣчено, вѣроятно, что большинство студентовъ останется внѣ землячествъ — и нѣтъ никакого основанія лишать ихъ этого полезнаго дѣла. Такая касса существовала къ тому же въ Московскомъ университетѣ съ 1858 года и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ находилась подъ руководствомъ профессора М. Н. Капустина. Комиссія поэтому не усматриваетъ, съ своей стороны, никакого основанія воспрепятствовать возникновенію общей студенческой кассы взаимопомощи на общихъ началахъ, принятыхъ для такого рода учрежденій; членомъ такой кассы можетъ быть всякій студентъ, кто сдѣлаетъ требуемый уставомъ взносъ, и тѣмъ же уставомъ будетъ опредѣленъ способъ избранія должностныхъ и отвѣтственныхъ лицъ упомянутаго учрежденія.

Въ виду всего вышеизложеннаго, Комиссія признаетъ вполнѣ цѣлесообразными какъ курсовыя организаціи для цѣлей учебныхъ и для болѣе тѣснаго общенія профессоровъ съ ихъ аудиторіей, такъ и земляческую, и кружковую организаціи для успѣшнаго достиженія всѣхъ остальныхъ вышеуказанныхъ цѣлей студенческихъ организацій вообще. При чемъ къ этому слѣдуетъ присовокупить, что въ земляческія и кружковыя организаціи могли бы быть допускаемы, въ качествѣ членовъ, кромѣ лицъ университетскаго педагогическаго персонала, также и лица, не принадлежащіе къ университету, но окончившіе въ немъ курсъ и занимающіе вполнѣ опредѣленное и почтенное оффиціальное или общественное положеніе. Участіе такихъ лицъ облегчитъ задачу педагогическаго персонала, и безъ того весьма обремененнаго занятіями; кромѣ того, оно сблизитъ сту-

дентовъ съ обществомъ и усилитъ вліяніе на нихъ людей, зрѣлыхъ и вполнѣ благомыслящихъ.

Само собой разумѣется, что во всѣхъ вышеуказанныхъ студенческихъ организаціяхъ обсужденіе какихъ-либо политическихъ вопросовъ не допускается.

Продолжать опасаться введенія такихъ организацій — значитъ, съ одной стороны, абсолютно не довѣрять русскому студенту и видѣть въ немъ существо иного порядка, чѣмъ студенты во всѣхъ другихъ культурныхъ государствахъ міра; съ другой же стороны, это равносильно признанію, что въ Россіи, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ культурныхъ государствъ, студенческія организаціи никоимъ образомъ не могутъ быть ограждены отъ вырожденія ихъ въ политическія и революціонныя сообщества.

* * *

Судъ надъ студентами. Какъ бы ни былъ, однако, нормаленъ студенческій бытъ, какъ бы ни были идеальны университетскіе порядки, они не гарантированы отъ нарушеній. Потребность въ охраненіи этихъ порядковъ всюду обусловливаетъ существованіе университетскаго суда. Дисциплинарный характеръ этого суда и его ограниченная компетенція обыкновенно допускаютъ упрощеніе въ немъ обычныхъ формъ судоустройства. Но это упрощеніе тѣмъ менѣе возможно, чѣмъ чаще рѣшенія этого суда отражаются кореннымъ образомъ на участи подлежащихъ его вѣдѣнію лицъ. Мелкія нарушенія университетской дисциплины, за которыя студенту грозитъ карцеръ или выговоръ, не требуютъ особыхъ заботъ о правильномъ судоустройствѣ; и если весь этотъ вопросъ возникаетъ въ послѣднее время для русскихъ университетовъ, то только въ виду тѣхъ сложныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей, которыя долженъ былъ принять на себя университетскій судъ. Частые случаи увольненія и исключенія изъ университета, со всѣми тягостными послѣдствіями этихъ каръ (высылкой изъ университетскаго города, потерей семестра или года, лишеніемъ стипендіи и, наконецъ, лишеніемъ права на продолженіе образованія), должны были поставить на очередь вопросъ о правильной организаціи университетскаго суда. И, прежде всего, должна была возникнуть потребность обезпечить этотъ судъ въ дѣлахъ столь важныхъ отъ возможности случайныхъ ошибокъ и неосновательныхъ рѣшеній. Для этого представляется неизбѣжнымъ, чтобы университетскій судъ усвоилъ основныя гарантіи каждаго правильнаго суда, поскольку онѣ примѣнимы въ предѣлахъ дисциплинарнаго судопроизводства. Необходимо, чтобы этотъ судъ получилъ самостоятельное и независимое положеніе, обезпечивающее ему и нравственный авторитетъ и общее довѣріе. Все это можетъ быть достигнуто только правильнымъ устроеніемъ его формъ.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія существующую организацію суда, нельзя не видѣть въ ней весьма существенныхъ пробѣловъ. Эти пробѣлы сказываются одинаково какъ въ устройствѣ, такъ и въ производствѣ суда.

Прежде всего, что касается его устройства, нельзя признать правильнымъ его предоставленіе исключительно университетскому на-

чальству. По дѣйствующимъ правиламъ, органами, налагающими дисциплинарныя взысканія, являются инспекторъ, ректоръ и Правленіе. Между тѣмъ, одно это возложеніе судебныхъ функцій на органы административнаго характера, которымъ принадлежитъ въ университетѣ и власть надъ студентами, лишаетъ судъ того нейтральнаго положенія, которое составляетъ существенную принадлежность всякаго судебнаго учрежденія. Это соображеніе имѣетъ тѣмъ бо́льшую силу, чѣмъ важнѣе постановляемыя судомъ рѣшенія. Мелкія дисциплинарныя взысканія вполнѣ возможно предоставить, какъ это дѣлается всюду, тѣмъ органамъ, которые вообще наблюдаютъ за сохраненіемъ въ университетѣ порядка, и именно ректору и проректору (или инспектору). Но эти взысканія не должны превышать извѣстныхъ низшихъ размѣровъ. Дѣйствующія правила слишкомъ широко раздвигаютъ предѣлы этихъ взысканій. Тогда какъ въ прусскихъ университетахъ ректору предоставлено право выговора и заключенія въ карцеръ только до 24 часовъ (карцеръ до 3-хъ дней назначается ректоромъ по соглашенію съ университетскимъ судьею), по нашимъ правиламъ, инспекторъ и ректоръ могутъ заключать въ карцеръ на срокъ до 7-ми дней, а ректоръ, кромѣ того, можетъ сдѣлать виновному выговоръ съ объявленіемъ объ удаленіи его изъ университета въ случаѣ новаго проступка и можетъ также предложить ему уволиться по прошенію. Эти послѣднія мѣры подходятъ къ разряду взысканій въ высшемъ размѣрѣ и должны быть предоставлены компетенціи коллегіальнаго суда.

Организація такого коллегіальнаго органа представляетъ самый важный пунктъ въ вопросѣ объ устройствѣ университетскаго суда и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ существеннѣйшихъ пробѣловъ дѣйствующаго устава. Въ настоящее время для разсмотрѣнія болѣе важныхъ дѣлъ установленъ судъ Правленія. Ему предоставлено право подвергать аресту отъ 7-ми дней до 4-хъ недѣль и затѣмъ увольненію и исключенію изъ университета (съ утвержденія попечителя). Такая постановка дѣла влечетъ за собой весьма важныя неудобства. Правленіе представляетъ собою органъ административный, обремененный цѣлымъ рядомъ другихъ дѣлъ. Судебныя функціи являются для него скорѣе случайными; уставъ не предусматриваетъ и не опредѣляетъ заранѣе никакихъ гарантій для того, чтобы обезпечить надлежащую правильность въ исполненіи Правленіемъ этихъ обязанностей. Самое дѣлопроизводство остается неопредѣленнымъ. Такъ, напр., только въ нынѣшнемъ году въ Московскомъ Университетѣ была введена новая форма допроса и снятія письменныхъ показаній, чего прежде не было. Эта неопредѣленность дѣлопроизводства, въ связи съ обремененностью Правленія другими дѣлами, обусловливаетъ, и помимо другихъ причинъ, невозможность правильнаго несенія этимъ органомъ судебныхъ функцій. Поставленный въ эти условія, судъ не можетъ ни опредѣлить съ надлежащей точностью индивидуальную виновность каждаго обвиняемаго, ни даже произвести съ возможной полнотой разсмотрѣніе дѣла. Этимъ объясняются его ошибки, тѣмъ болѣе тягостныя, что не существуетъ твердаго порядка для пересмотра приговоровъ: рѣшенія Правленія считаются окончательными въ порядкѣ судопроизводства, и только

случайныя предстательства могутъ вести къ отмѣнѣ его рѣшеній. Наконецъ, и это самое главное, Правленіе есть въ одно и то же время и власть, и судъ. Это наноситъ ущербъ его нейтральному положенію при разбирательствѣ и лишаетъ его должнаго довѣрія со стороны студентовъ. Недовѣріе студентовъ къ университетскому суду еще болѣе усугубляется тѣмъ рѣшающимъ значеніемъ, которое имѣетъ въ немъ инспекція, при помощи своихъ показаній. Этимъ объясняется, что самые отвѣты, даваемые на допросѣ, часто являются простою формальностью. Студенты думаютъ, что ихъ ловятъ и стараются давать уклончивыя показанія. Этого не было бы, если бы судъ былъ поставленъ на надлежащую высоту нейтральнаго и независимаго учрежденія, безпристрастіе котораго стоитъ внѣ сомнѣній.

Но какъ это сдѣлать? По уставу 1863 года, для этой цѣли былъ установленъ особый судъ профессоровъ, ежегодно избираемыхъ Совѣтомъ въ количествѣ трехъ членовъ и трехъ кандидатовъ къ нимъ, на случай болѣзни или отсутствія котораго-либо изъ членовъ. Утвержденіе ихъ зависѣло отъ попечителя. По крайней мѣрѣ одинъ изъ членовъ и одинъ изъ кандидатовъ принадлежалъ непремѣнно къ юридическому факультету. Предсѣдательствованіе въ судѣ вмѣнялось въ обязанность профессору юридическаго факультета, избранному въ число судей. Эти постановленія имѣли въ виду, во-первыхъ, обезпечить суду независимое положеніе и, во-вторыхъ, придать въ немъ руководящее значеніе лицамъ съ спеціально-юридической подготовкой. Но подобная организація имѣла тотъ существенный недостатокъ, что ставила профессора въ несвойственное ему и несоотвѣтствующее его значенію въ университетѣ положеніе судьи. Судебныя функціи должны наносить ущербъ и дѣятельности профессора, и его положенію среди студентовъ. Нельзя, однако, защищать и полнаго устраненія профессоровъ изъ университетскаго суда: какъ лица, ближе стоящія къ студентамъ, профессоры лучше способны оцѣнить ихъ проступки, возникающіе при данныхъ обстоятельствахъ университетской жизни. Сами студенты признаютъ для себя желательнымъ участіе въ университетскомъ судѣ профессоровъ.

Съ другой стороны, нельзя признать также цѣлесообразнымъ установленіе штатной должности особаго университетскаго судьи. Подобное должностное лицо, исключительно вѣдающее и карающее студенческіе проступки, сразу станетъ въ ложное положеніе среди студентовъ. Примѣръ университетскихъ судей въ Германіи не можетъ быть признанъ для насъ подходящимъ, въ виду совершенно особыхъ условій нѣмецкаго университета, сравнительно съ русскимъ, въ отношеніи къ отправленію суда.

Такимъ образомъ, сама собою возникаетъ мысль поручить судъ нѣкоторой независимой и нейтральной коллегіи, которая своимъ авторитетнымъ и безпристрастнымъ положеніемъ могла бы придать этому суду надлежащій авторитетъ. Это можетъ быть достигнуто привлеченіемъ въ университетскій судъ лицъ изъ судебнаго вѣдомства, которыя могли бы нести эти обязанности при содѣйствіи профессоровъ. Послѣдніе должны составлять въ предполагаемомъ судѣ меньшинство, что и снимаетъ съ нихъ исключительную отвѣтственность за рѣшеніе суда и вмѣстѣ съ тѣмъ вводитъ ихъ въ составъ

суда, въ качествѣ необходимыхъ членовъ, по своему близкому отношенію къ студентамъ способныхъ оказать дѣятельную помощь при судебномъ разбирательствѣ. Число членовъ этой коллегіи могло бы быть 3 или 5, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы во главѣ суда стояло, въ качествѣ предсѣдателя, лицо изъ судебнаго вѣдомства, и затѣмъ въ помощь ему были даны по равному числу (по одному или по два) представители профессуры и судебной магистратуры. Профессоры должны избираться Совѣтомъ; выборъ же лицъ судебнаго вѣдомства удобнѣе предоставить судебной корпораціи, которая лучше знаетъ своихъ членовъ и лучше можетъ судить о томъ, есть ли у нихъ возможность посвятить свое время университетскому суду. При этомъ желательно обращеніе университета не только къ общей судебной магистратурѣ, но и къ мировому суду, въ лицѣ какъ участковыхъ, такъ и почетныхъ судей. Въ случаѣ экстренныхъ условій можетъ быть организовано въ томъ же порядкѣ нѣсколько отдѣленій суда, дѣйствующихъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и постоянно существующее отдѣленіе. Завѣдываніе дѣлопроизводствомъ и канцеляріей удобнѣе предоставить члену изъ профессорской корпораціи, ближе стоящему ко всѣмъ университетскимъ дѣламъ. Выборъ предсѣдателя суда долженъ быть предоставленъ самой коллегіи университетскихъ судей. Этотъ смѣшанный судъ изъ представителей судебнаго вѣдомства и профессоровъ будетъ отличаться и безспорной независимостью, и судейской опытностью, и высокой авторитетностью.

Вѣдѣнію этого коллегіальнаго суда должны подлежать наиболѣе серьезныя нарушенія университетской дисциплины, за которыя полагаются и наиболѣе строгія взысканія. При этомъ должно быть принято правило, чтобы всѣ проступки, за которые налагаются эти взысканія, были заранѣе и точно опредѣлены, какъ это было, напр., сдѣлано въ Правилахъ Московскаго Университета 1868 года. Въ настоящемъ докладѣ можетъ быть высказано только это общее требованіе, такъ какъ подробное перечисленіе проступковъ должно быть сообразовано съ разрѣшеніемъ вопроса о студенческихъ организаціяхъ и объ условіяхъ студенческой жизни вообще. Что касается взысканій, то они должны быть согласованы съ характеромъ дисциплинарныхъ нарушеній; а въ виду необходимости принимать во вниманіе индивидуальныя смягчающія обстоятельства суду должно быть предоставлено право ограничиваться и низшими размѣрами взысканій, какъ-то: простымъ выговоромъ и кратковременнымъ арестомъ. Здѣсь нельзя также не высказаться противъ той высшей мѣры наказанія, которую предоставлено налагать университетскому суду, т. е. исключенію изъ университета безъ права поступить вновь въ какой бы то ни было университетъ. Дисциплинарный судъ, состоящій при той или другой корпораціи, можетъ рѣшать вопросъ объ удаленіи лицъ изъ предѣловъ данной корпораціи, но не можетъ затрогивать общегражданскихъ правъ и навсегда предопредѣлять участь судимыхъ. Наконецъ, при обсужденіи вопроса о послѣдствіяхъ университетскаго суда, необходимо обратить вниманіе на существующій порядокъ административной высылки студентовъ, удаляемыхъ изъ университета. Въ настоящее время студентъ, уволенный или исключенный изъ университета, вслѣдъ затѣмъ высылается мѣстной по-

лиціей изъ университетскаго города. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ студентъ подвергается сразу двойной карѣ: удаленію изъ университета и высылкѣ на родину, а иногда и на чужбину. Для многихъ студентовъ такая высылка связывается съ утратой матеріальнаго заработка и съ прекращеніемъ возможности научныхъ занятій. Удаляемые на родину или изъ родины, они надолго выбиваются изъ колеи своей обычной жизни и затѣмъ, по возвращеніи въ университетъ, теряютъ много времени и силъ, чтобы вновь устроиться по прежнему. Подобная двойная кара за проступки студентовъ не можетъ быть признана справедливой. Слѣдуетъ ходатайствовать о томъ, чтобы былъ отмѣненъ этотъ порядокъ обязательной высылки студентовъ, удаляемыхъ изъ университета. Съ другой стороны, въ высшей степени желательно, чтобы во всѣхъ случаяхъ, когда по тѣмъ или другимъ поводамъ мѣстная полиція находитъ нужнымъ выслать студента, она увѣдомляла объ этомъ университетское начальство, съ объясненіемъ мотивовъ принимаемой мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо выяснить, что административная высылка студентовъ сама по себѣ не должна связываться съ увольненіемъ ихъ изъ университета. Такое увольненіе можетъ быть постановлено только по опредѣленію университетскаго суда, на основаніи данныхъ, извѣстныхъ ему и разсмотрѣнныхъ имъ въ обычномъ порядкѣ.

Что касается порядка дѣлопроизводства въ предлагаемомъ судѣ, то онъ можетъ быть опредѣленъ здѣсь только въ общихъ чертахъ, выясненіе которыхъ имѣетъ, однако, весьма существенное значеніе для успѣшности его дѣйствія.

Прежде всего, что касается возбужденія дѣлъ, то оно должно быть предоставлено инспектору, ректору и Правленію. Другія лица, имѣющія обратиться въ судъ съ жалобой на студентовъ, дѣлаютъ свои заявленія чрезъ эти органы. Инспекція, собирающая обыкновенно свѣдѣнія о случаяхъ нарушенія дисциплины, является въ судъ для представленія ихъ въ формѣ доклада, безъ права рѣшающаго голоса.

Разслѣдованіе дѣла не можетъ быть произведено безъ истребованія объясненій отъ обвиняемаго, въ письменной или устной формѣ. Ему предоставляется право явиться въ судъ. Точно также и судъ имѣетъ право вызвать его, если найдетъ нужнымъ; но присутствіе его не считается безусловно необходимымъ для постановленія приговора.

Судъ имѣетъ право вызывать свидѣтелей и провѣрять доказательства, если онъ найдетъ это необходимымъ.

Приговоръ постановляется большинствомъ голосовъ изъ числа не менѣе трехъ присутствующихъ; при равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдателя считается рѣшающимъ. Приговоръ постановляется въ томъ же засѣданіи съ указаніемъ мотивовъ и объявляется немедленно обвиняемому устно или путемъ письменнаго извѣщенія.

Приговоръ университетскаго суда считается окончательнымъ и смотря по обстоятельствамъ можетъ быть приведенъ немедленно въ исполненіе; но, въ случаѣ ошибки или нарушенія узаконенныхъ формъ производства, лицо, присужденное къ высшему размѣру наказанія (увольненію изъ Университета), можетъ обратиться въ тотъ

же судъ съ просьбой о пересмотрѣ своего дѣла; а въ случаѣ отказа суда можетъ ходатайствовать о томъ предъ попечителемъ и министромъ, которые могутъ предложить суду пересмотрѣть дѣло вновь.

Совокупность этихъ правилъ обезпечитъ судъ отъ ошибокъ, дастъ ему надлежащую твердость и возвыситъ его нравственный авторитетъ.

* * *

Инспекція. Университетскому образованію отводится переходное время отъ школьной жизни къ общественной дѣятельности, время естественнаго и желательнаго стремленія молодежи къ самообразованію, выработкѣ своего характера и самоопредѣленію. Отсутствіе такихъ стремленій въ молодежи явилось бы тяжелымъ обвинительнымъ актомъ противъ средней школы; ихъ подавленіе было бы равносильно отрицанію той цѣли, которая преслѣдуется образованіемъ. Поэтому стеченіе молодежи въ университеты, независимо отъ запросовъ знанія и умственныхъ интересовъ вообще, имѣетъ для нея еще другое значеніе, какъ средство удовлетворенія потребности серьезнаго общенія между людьми съ одинаковыми духовными нуждами.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ единственнымъ и чрезвычайно цѣннымъ моментомъ, который долженъ быть использованъ университетомъ для его просвѣтительныхъ цѣлей. Безсиліе университета овладѣть такимъ моментомъ можетъ повести лишь къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Стремленіе къ общенію не можетъ быть подавлено въ молодежи уже потому только, что поступленіе въ университетъ связано для большинства съ переѣздомъ въ чужой городъ, съ отрѣзываніемъ отъ семьи, и здѣсь-то обнаруживается настоятельная необходимость встрѣтить эту молодежь сердечнымъ призоромъ и благожелательнымъ авторитетнымъ руководствомъ. Гарантіей успѣха въ этомъ насущномъ дѣлѣ можетъ быть только авторитетность университетской коллегіи въ глазахъ студентовъ и цѣлесообразное устройство отношеній студентовъ между собой и къ университету. Къ сожалѣнію, ни то, ни другое не имѣетъ мѣста въ настоящее время. Останавливаясь только на отношеніяхъ студентовъ другъ къ другу и къ университету, мы должны подчеркнуть оффиціально и при томъ издавна установленную недоброжелательность къ общенію молодежи какъ внутри, такъ и внѣ университета. Существующія правила для студентовъ и надзора за ними, построенныя на узаконенной формулѣ: „студенты считаются отдѣльными посѣтителями университета“, не только игнорируютъ весьма цѣнныя въ глазахъ педагога потребности молодежи, но стремятся задавить ихъ и уничтожить. Такое теченіе, усиливаясь искоренить то, что не можетъ быть искоренено, лишило университеты ихъ прямого воспитательнаго значенія, заставило студентовъ думать о самостоятельныхъ средствахъ самообразованія и перенесло воспитаніе молодежи въ тайныя организаціи. Въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ университетовъ нѣтъ никакихъ указаній на ихъ воспитательную дѣятельность и только въ инструкціи инспекціи (§ 24) имѣются нѣкоторыя указанія, относящіяся къ задачамъ воспитанія, какъ, напримѣръ, рекомендація профессорамъ быть руко-

водителями молодыхъ людей на пути долга. Но такое указаніе въ дѣйствительности не имѣетъ ничего общаго съ цѣлями воспитанія, такъ какъ далѣе поясняется, что эти дѣйствія направлены къ охраненію порядка и спокойствія въ университетѣ. Указаніе на нравственное воздѣйствіе дѣлается еще въ § 17 той же инструкціи, но только вскользь, мимоходомъ, тогда такъ главною задачею инспекціи считается надзоръ за поведеніемъ студентовъ. Существующія же нынѣ формы этого надзора дѣлаютъ совершенно неосуществимымъ призваніе инспекціи къ нравственному воздѣйствію на молодежь. Современная инспекція превратилась въ довольно сложный полицейскій механизмъ съ весьма разнообразными функціями, начиная отъ простого наблюденія за внѣшнимъ порядкомъ и кончая тайнымъ сыскомъ и предугадываніемъ намѣреній. Вся инструкція инспекціи проникнута духомъ полицейской охраны, при чемъ инспекціи вмѣняется въ обязанность не только блюсти порядокъ и спокойствіе въ стѣнахъ университета, но и всѣми зависящими отъ нея мѣрами предупреждать и пресѣкать нарушеніе студентами обязательныхъ для нихъ правилъ (§ 2). Въ настоящее время мѣры, практикуемыя инспекціею при выполненіи возложенныхъ на нее обязанностей, достигли крайнихъ предѣловъ. Такъ, чины инспекціи вслушиваются въ разговоры студентовъ, какъ скоро они собираются въ числѣ четырехъ-пяти человѣкъ, наблюдаютъ за чтеніемъ, при чемъ такое наблюденіе простирается до вытребованія получаемыхъ писемъ; студентовъ, имѣющихъ дѣло до профессора внѣ часовъ его лекцій, конвоируютъ къ профессору со служителями; подсматриваютъ во время лекцій черезъ пріотворенныя двери аудиторій; черезъ служителей инспекціи строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы въ данное время были въ университетѣ только тѣ студенты, которымъ предстоитъ слушаніе лекцій. Явка студента въ зданіе университета, въ которомъ онъ не слушаетъ лекцій, хотя бы она оправдывалась желаніемъ видѣть товарища или профессора, вызываетъ подозрѣнія, допросъ въ инспекціи и предупрежденіе, что ходящій въ чужія зданія будетъ считаться на дурномъ замѣчаніи, какъ безпокойный. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ мѣръ практикуются не только во время безпорядковъ, но и въ ожиданіи ихъ и послѣ нихъ; эти мѣры не относятся, конечно, къ области добрыхъ нравственныхъ воздѣйствій, и остается совершенно неизвѣстнымъ, когда такимъ воздѣйствіемъ инспекція пользуется. При такихъ условіяхъ молодежь съ первыхъ своихъ шаговъ въ университетѣ чувствуетъ себя заподозрѣнной, отданной подъ строгій полицейскій надзоръ, отмѣчающій ея разговоры и знакомства, вникающій даже въ жесты и выраженія лицъ.

Всѣ вышеназванныя дѣйствія инспекціи вытекаютъ изъ ея обязанности знать въ лицо всѣхъ студентовъ и собирать матеріалъ для предупрежденія безпорядковъ и для открытія подстрекателей и агитаторовъ. Результатомъ такой дѣятельности являются тайные доносы, т. е. такія жалобы инспектору со стороны его помощниковъ, о содержаніи которыхъ виновный узнаетъ только послѣ того, какъ бываетъ вызванъ къ инспектору для объясненія или наказанія. Естественно, что между студентами слагается убѣжденіе, что далеко не всѣ жалобы и доносы становятся имъ извѣстны, что противъ многихъ изъ нихъ

постоянно накопляются обвиненія, не провѣренныя личнымъ опросомъ. При такомъ отношеніи къ инспекціи, ея участіе въ выдачѣ пособій, распредѣленіи стипендій и въ удовлетвореніи другихъ нуждъ и желаній студенчества встрѣчаетъ со стороны студентовъ подозрѣніе въ томъ, что помощь оказывается не сообразно дѣйствительной нуждѣ, а на основаніи особыхъ, имѣющихся у инспекціи, данныхъ и намѣреній. Всѣ эти обстоятельства создаютъ условія, при которыхъ о моральномъ, отеческомъ вліяніи инспекціи не можетъ быть и рѣчи. Его мѣсто заступаютъ неуваженіе, недовѣріе, боязнь, презрѣніе и даже ненависть ко всему институту инспекціи со стороны студентовъ. Трудно даже приблизительно опредѣлить размѣры того зла, которое вносится въ университетскую жизнь крайнимъ недовѣріемъ молодежи и обязанностью инспекціи „всѣми зависящими отъ нея мѣрами“ предупреждать и пресѣкать проступки студентовъ (§ 2), не отказываясь, слѣдовательно, и отъ дѣятельности агентовъ тайнаго сыска. Вынужденная быть осторожной и осмотрительной, молодежь усваиваетъ себѣ привычки, не соотвѣтствующія доброму воспитанію и нравственности. Понятно, что при такихъ условіяхъ единодушіе и солидарность профессоровъ и инспекціи, требуемыя § 24 нынѣ дѣйствующей инструкціи инспекціи, приводили бы только къ паденію нравственнаго авторитета академической коллегіи въ глазахъ студентовъ. Этотъ параграфъ, неизвѣстный многимъ профессорамъ, вмѣняетъ имъ въ обязанность, какъ бы въ гармонію съ инспекціей, быть наставниками обучающихся у нихъ молодыхъ людей на пути долга. Очевидно, здѣсь проводится совершенно ложная мысль, вытекающая изъ полнаго непониманія условій высшаго образованія и невозможности, совмѣстными усиліями профессоровъ и инспекціи, руководить студентами на пути долга посредствомъ наставленій. Чувство долга воспитывается годами, а не внѣдряется наставленіями, и время для систематическаго проведенія этого начала въ воспитаніи есть юность, т. е. періодъ средняго образованія. Во время же занятій высшей наукой, когда въ мышленіи вступаетъ въ свои права критическое направленіе, усваивается свобода умственной дѣятельности, систематическое проведеніе какой-нибудь тенденціи по опредѣленной программѣ нужно считать запоздалымъ, и, при неумѣлой въ этомъ отношеніи настойчивости, можно добиться результатовъ, совершенно противныхъ желаемымъ. Завѣты университета, къ числу которыхъ относятся и сознаніе долга, и уваженіе къ порядку, не преподаются по установленнымъ программамъ и не предписываются параграфами устава, какъ служебная дѣятельность чиновниковъ, а являются результатомъ свободнаго проявленія убѣжденій и нравственной силы отдѣльныхъ лицъ и облекаются въ форму непринужденнаго слова или личнаго дѣятельнаго примѣра. Понятно отсюда, что только легальныя формы организаціи студенчества, допускающія свободное и довѣрчивое общеніе профессоровъ и студентовъ, могутъ сдѣлаться источникомъ нравственнаго подъема университетовъ и ихъ воспитательнаго вліянія.

Возложенный на инспекцію надзоръ за посѣщеніемъ лекцій или не достигаетъ цѣли, или прямо вредитъ учебнымъ задачамъ университета, а именно:

а) Принудительное посѣщеніе лекцій вызываетъ наполненіе аудиторій лицами, занимающимися во время лекцій чтеніемъ газетъ, перепиской и другими дѣлами, къ лекціи не относящимися.

б) Со стороны инспекціи ставятся затрудненія спеціализировавшимся студентамъ, предпочитающимъ работы въ лабораторіи посѣщенію теоретическихъ или однородныхъ демонстративныхъ лекцій. Чины инспекціи, подвергающіе за это студентовъ взысканіямъ, не могутъ быть судьями въ вопросѣ, что полезнѣе для даннаго студента.

в) Къ числу дѣйствій инспекціи, совершенно выходящихъ изъ ея компетентности и особенно рельефно выставляющихъ конфликтъ, вносимый ею въ университетскую жизнь, относится недопущеніе студентовъ старшихъ курсовъ факультета на лекціи, читаемыя для младшихъ курсовъ, изъ опасенія сходки или какихъ-либо подговоровъ. Между тѣмъ, такое посѣщеніе можетъ быть вызываемо совершенно естественнымъ желаніемъ вторично и полнѣе ознакомиться съ прослушаннымъ уже предметомъ. Частію по тѣмъ же мотивамъ на лекціи не допускаются студенты, на нихъ не подписавшіеся. Словомъ, присутствіе на лекціи не своего, а другого профессора, или своего же, но въ часъ, не указанный въ расписаніи для даннаго курса, оцѣнивается инспекціей только съ точки зрѣнія нарушенія порядка, и допущеніе такихъ посѣщеній профессоромъ иногда и для него не проходитъ безслѣдно.

Единственной заслугой современной университетской инспекціи можетъ быть выставлено обнаруживаніе нѣсколькихъ десятковъ студентовъ, виновныхъ въ причиненіи безпорядковъ, но при этомъ упускается изъ вида, что большое число такихъ виновныхъ должно быть поставлено на счетъ угнетающаго и раздражающаго поведенія самой инспекціи.

Посмотримъ теперь, оправдала ли инспекція свое главное предназначеніе. Постепенное усиленіе полицейскаго направленія въ ея дѣятельности обусловливалось, какъ извѣстно, необходимостью удерживать студентовъ отъ постоянно повторявшихся массовыхъ безпорядковъ. Въ теченіе, по крайней мѣрѣ, шестнадцати лѣтъ были употребляемы всевозможныя средства этого рода и тѣмъ не менѣе приходится признать, что всѣ усилія остались безплодны. Стремленіе проявить свой протестъ противъ налагаемыхъ стѣсненій не только не уменьшилось, но выработалось въ организованную систему и распространилось гораздо шире, чѣмъ можно было ожидать. Такой исходъ неизбѣжно приводитъ къ предположенію, что налагались стѣсненія на потребности естественныя, требующія серьезнаго вниманія и справедливой оцѣнки, и что полицейскія мѣры не только непригодны, но приводятъ къ результатамъ, обратнымъ тѣмъ, которые ожидались. Пора послѣ столькихъ опытовъ придти къ заключенію, что въ храмѣ наукъ, гдѣ все должно быть направлено къ исканію правды, свѣта и истины, сыскные и тайные пути неумѣстны. Инспекція должна быть явной служительницей порядка. Она должна опираться въ своихъ дѣйствіяхъ не на секретныя предписанія, а на открытыя указанія признанныхъ авторитетовъ на поприщѣ науки и высшаго образованія.

На полицейскую дѣятельность инспекціи возлагались, между прочимъ, большія надежды, какъ на средство огражденія студенчества отъ внѣшней политической агитаціи. Прошедшее показало, однако, что и эти надежды ничѣмъ не оправдываются и, слѣдовательно, должны быть признаны неосновательными. Не мѣрами огражденія нужно бороться противъ внѣшней, невидимой и неуловимой язвы внутри самаго учрежденія, а средствами оздоровленія и мѣрами, дѣлающими тѣхъ, кому эта язва угрожаетъ, возможно менѣе къ ней воспріимчивыми. Понятно, что инспекція этимъ цѣлямъ служить не можетъ.

Одною изъ крайне неудовлетворительныхъ сторонъ настоящаго положенія инспекціи въ университетѣ является неопредѣленность въ порядкѣ подчиненія инспектора. По § 47 устава инспекторъ находится подъ начальствомъ попечителя и въ то же время подчиненъ ректору. При такихъ условіяхъ вовсе не оказывается лица, фактически отвѣтственнаго за неправильныя дѣйствія лицъ надзора. Ректоръ ставится между попечителемъ и инспекторомъ въ совершенно ложное положеніе распорядителя, распоряженія котораго всегда могутъ быть обойдены. Это осложняется еще тѣмъ, что ректоръ и инспекторъ находятся въ совершенно различныхъ условіяхъ и по своему призванію, и по служебному положенію. Ректоръ, исходя изъ профессорской коллегіи, есть прежде всего лицо академическаго призванія и избирается на сравнительно короткій срокъ; инспекторъ же есть чиновникъ, назначаемый на свою должность на общихъ основаніяхъ.

Другой ненормальностью въ положеніи инспектора, по нынѣ дѣйствующему уставу, является принадлежность его Правленію въ качествѣ члена. Изъ всѣхъ предметовъ вѣдомства Правленія, перечисленныхъ въ уставѣ (ст. 41—43), нѣтъ ни одного, находящагося въ прямой связи съ обязанностями инспектора, указанными въ ст. 48 устава; и только въ двухъ пунктахъ (ст. 41, § 1, п. 7 и ст. 41, § 3, п. 4), касающихся разбирательства студенческихъ дѣлъ и назначенія стипендій и пособій, можно предполагать желательнымъ участіе инспектора въ качествѣ докладчика по первому и консультанта по второму. Участіе же инспектора въ Правленіи съ рѣшающимъ голосомъ по всѣмъ дѣламъ есть прямое несогласованіе главъ VI и VII 1-го отдѣла устава.

Можно думать, что лучшимъ средствомъ вывести институтъ инспекціи изъ теперешняго ненормальнаго ея положенія и устранить обострившіяся отношенія между нею и частью студенчества — было бы возвращеніе къ прежнему порядку, по которому инспекторъ или вмѣсто него проректоръ и ихъ помощники избирались Совѣтомъ университета и инспекторъ былъ исключительно подчиненъ ректору.

Въ руководство инспектору или проректору и подчиненнымъ имъ чинамъ должна быть дана инструкція, подобная нынѣшней инструкціи инспектору, но съ значительными измѣненіями соотвѣтственно новой организаціи и задачамъ надзора.

Въ настоящее время инспекціи отводится значительное вліяніе въ назначеніи студентамъ стипендій. Такое значеніе инспекціи нежелательно. Назначеніе пособій должно обусловливаться успѣхами

студентовъ или степенью ихъ нужды — въ зависимости отъ устава стипендій — и отъ инспекціи такъ же, какъ отъ студенческой организаціи, могутъ требоваться только справки относительно бѣдности студентовъ.

Комиссія не считала возможнымъ до принципіальнаго разрѣшенія вопроса объ организаціи инспекціи разрабатывать подробную для нея инструкцію, напоминая членамъ Совѣта, что такая задача была уже возложена постановленіемъ Совѣта отъ 30 октября 1899 г. на особую комиссію изъ профессоровъ, трудъ которой по пересмотру нынѣ дѣйствующей инструкціи для инспекціи, а также правилъ для студентовъ былъ одобренъ Совѣтомъ университета, но не получилъ дальнѣйшаго движенія.

* * *

Свобода слушанія лекцій. Въ связи съ вопросомъ объ обязанностяхъ и о предѣлахъ власти инспекціи находится и вопросъ о свободномъ посѣщеніи лекцій. Можно даже указать, что однимъ изъ поводовъ къ неудовольствію противъ членовъ инспекціи со стороны студентовъ является препятствіе, которое они встрѣчаютъ въ помощникахъ инспектора при свободномъ посѣщеніи лекцій. Въ нѣкоторыхъ студенческихъ заявленіяхъ прямо поставлено требованіе о свободѣ слушанія лекцій. Комиссія обсуждала этотъ вопросъ, и однимъ изъ ея членовъ, профессоромъ К. А. Андреевымъ, представлена по этому вопросу записка, напечатанная въ приложеніи къ докладу. Вопросъ о свободѣ слушанія университетскихъ лекцій очень сложенъ, такъ какъ многіе подъ этимъ разумѣютъ не только дозволеніе всѣмъ студентамъ посѣщать всякія лекціи, къ какому бы факультету или курсу онѣ ни относились, но и уничтоженіе всякихъ обязательныхъ лекцій.

Что касается до послѣдняго пункта, то обязательность лекцій тамъ, гдѣ она существуетъ, находится въ связи съ экзаменаціонной системой. Тамъ, гдѣ нѣтъ университетскихъ экзаменовъ, гдѣ существуетъ только внѣуниверситетскій государственный экзаменъ, какъ въ Германіи, обязательность лекцій выражается лишь въ требованіи, чтобы желающіе держать государственный экзаменъ представляли свидѣтельство, что уплатили гонораръ за такіе-то, указанные въ учебномъ планѣ, лекціи или курсы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуется, кромѣ того, свидѣтельство профессора, что студентъ слушалъ его курсъ, т. е. посѣщалъ его лекціи. Но это требованіе исполняется формально — профессоръ дѣлаетъ требуемую отмѣтку всякому, кто внесъ гонораръ.

Совершенно иначе ставится вопросъ тамъ, гдѣ существуютъ университетскіе экзамены въ извѣстной послѣдовательности, полукурсовые или курсовые. Тамъ самый экзаменъ производится, главнымъ образомъ, а иногда исключительно, изъ прочитаннаго извѣстнымъ профессоромъ курса. Въ этомъ случаѣ обязательность лекцій становится не только фискальнымъ (при гонорарѣ), а педагогическимъ требованіемъ. Эта система принята у насъ. Какая система экзаменовъ плодотворнѣе и полезнѣе для самихъ студентовъ — нѣмецкая или русская — это придется обсудить Совѣту университета. Лучше

ли предоставить пришедшему въ университетъ гимназисту, давъ ему въ видѣ компаса нѣсколько учебныхъ плановъ, полную свободу скитаться по необозримому полю наукъ или размѣрить и распредѣлить по годамъ необходимое ему количество знаній, чтобы сберечь его время и силы и прямѣе направить ихъ къ цѣли? Но и при такой системѣ обязательность лекцій должна оставаться педагогической мѣрой, а не принудительной. Нежелательно поэтому сохранить совершенно безплодное наблюденіе инспекціи за посѣщеніемъ лекцій, которое одно время даже поручалось педелямъ. Какъ безцѣльно было такое наблюденіе, объ этомъ не приходится говорить. Но и болѣе разумное наблюденіе за посѣщеніемъ лекцій со стороны помощниковъ инспектора не можетъ достигнуть цѣли, ибо не можетъ гарантировать вниманіе слушателей и интересъ ихъ къ лекціи профессора. Единственно полезный въ этомъ отношеніи контроль можетъ заключаться лишь въ установленіи такой связи между лекціями и практическими или домашними занятіями студентовъ, при которой посѣщеніе лекцій станетъ необходимымъ въ глазахъ самихъ студентовъ.

Но изъ того, что существуютъ обязательныя для кого-нибудь лекціи, конечно, не слѣдуетъ, чтобы эти лекціи не могли бы быть посѣщаемы и такими студентами, для кого онѣ необязательны. Въ этомъ отношеніи препятствіемъ можетъ быть гонораръ. При системѣ гонорара, конечно, справедливо, чтобы лекціи посѣщались только тѣми, кто за нихъ заплатилъ. Такъ это и дѣлается въ Германіи, на которую всегда ссылаются въ доказательство необходимости свободы посѣщенія лекцій. Но въ Германіи строго соблюдается самими студентами традиція посѣщать лишь тѣ лекціи, которыя ими оплачены гонораромъ. Правда, помимо лекцій, оплачиваемыхъ гонораромъ, въ германскихъ университетахъ читаются и лекціи не оплачиваемыя — публичныя, publica. Такія лекціи могли бы быть и у насъ введены и даже сдѣланы обязательны для профессоровъ. Но самый вопросъ о гонорарѣ подлежитъ обсужденію Совѣта и потому Комиссія не считаетъ нужнымъ его разсматривать, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ уже былъ разсмотрѣнъ по запросу со стороны Министерства особой Комиссіей, избранной Совѣтомъ университета.

Другой источникъ стѣсненій студентовъ при посѣщеніи необязательныхъ для нихъ лекцій совсѣмъ новѣйшаго происхожденія. Онъ вызванъ происходившими за послѣдніе годы безпорядками и коренится въ опасеніи инспекціи, чтобы появленіе въ аудиторіи студентовъ другихъ факультетовъ или даже курсовъ не служило средствомъ агитаціи, передачи прокламацій и т. п. Стѣсненія, вызванныя такой предохранительной мѣрой, дошли въ послѣднее время до крайности и много содѣйствовали раздраженію и озлобленію студентовъ. Бывали случаи, что не пускали въ аудиторію къ чужому профессору даже студентовъ, желавшихъ заплатить гонораръ за необязательный курсъ.

Такого рода стѣсненія, конечно, отпадутъ при возстановленіи нормальнаго положенія вещей и при измѣненіи инструкцій для инспекціи.

* * *

Компетенція Совѣта университета. Въ ряду мѣръ для оздоровленія университетской жизни первостепенное значеніе имѣетъ возстановленіе коллегіальнаго самоуправленія университетовъ. Только тѣсно сплоченная, проникнутая сознаніемъ отвѣтственности за все теченіе университетской жизни профессорская корпорація можетъ быть оплотомъ университетскаго порядка и лишь при ея существованіи предлагаемыя частныя улучшенія получатъ силу и жизненность. Въ противномъ случаѣ, если останется бюрократическое устройство, введенное уставомъ 1884 года, то всѣ отдѣльныя перемѣны въ постановкѣ суда, инспекціи, даже въ организаціи студентовъ будутъ лишь прививками къ стволу высохшаго дерева. Указывая на это, мы не хотимъ сказать, что самоуправленіе университетовъ представляетъ средство, которое разъ навсегда предотвратитъ безпорядки или устранитъ всѣ поводы къ нимъ. Такихъ средствъ вообще быть не можетъ. Но мы полагаемъ, что самоуправляющаяся профессорская корпорація является наиболѣе надежной силой для поддержанія порядка въ университетѣ и для прекращенія возникающихъ въ немъ по тѣмъ или другимъ поводамъ волненій.

Важность корпоративнаго устройства профессуры ближе выяснится, если мы разсмотримъ его въ трехъ его важнѣйшихъ проявленіяхъ. Оно выражается въ отношеніяхъ профессоровъ между собою, въ отношеніяхъ ихъ къ студентамъ и въ отношеніяхъ ихъ къ учебному начальству.

Едва ли нужно пояснять, что коллегіальное устройство окажетъ благотворное вліяніе на отношенія профессоровъ другъ къ другу. Одной изъ его главныхъ цѣлей должно быть привлеченіе всего состава профессоровъ къ постоянному общенію по разнообразнымъ и важнымъ дѣламъ университетскаго управленія. Вмѣсто пассивнаго выслушиванія бумагъ, сообщаемыхъ къ свѣдѣнію и исполненію, корпорація въ той или другой формѣ будетъ принимать участіе въ направленіи и разрѣшеніи насущныхъ вопросовъ университетскаго быта. Вмѣсто разрозненныхъ, часто незнакомыхъ другъ съ другомъ преподавателей отдѣльныхъ наукъ, выступитъ вновь товарищеская коллегія съ сознаніемъ своего положенія, интересовъ и чести.

Прежнимъ самоуправляющимся университетамъ дѣлали упрекъ въ замкнутости и партійности. Противъ этихъ недостатковъ можно найти средство въ контролѣ правительства и вліяніи общественнаго мнѣнія, которое съ каждымъ годомъ возрастаетъ; но какъ уберечь университетъ при дѣйствующемъ уставѣ отъ распаденія, отъ мертвящаго индиферентизма? Если въ профессорахъ видѣть враговъ государства, то можно было бы примѣнить къ нимъ правило: „divide et impera“. Но такъ какъ дѣло идетъ не о томъ, чтобы наносить кому бы то ни было пораженія, то зачѣмъ раздѣлять и ослаблять профессоровъ? Это въ концѣ концовъ ослабляетъ университетъ.

Вполнѣ ясно наблюдается этотъ результатъ въ отношеніяхъ къ студентамъ. Для студенчества естественной основой университетскаго строя является авторитетъ профессоровъ: оно не можетъ понять, по какимъ соображеніямъ тѣ же наставники, которые призваны разрѣшать самую главную задачу университета, призваны руководить молодежью въ ея духовномъ развитіи, въ то же

время тщательно устраняются отъ участія въ административной, хозяйственной, судебной жизни учрежденія? Къ назначеннымъ начальникамъ студенчество никогда не отнесется съ тѣмъ довѣріемъ, котораго могутъ ожидать его обычные руководители, и поэтому бюрократическое правленіе университета, при недостаткѣ нравственнаго вліянія, поставлено въ необходимость опираться преимущественно на принудительныя мѣры, которыя, какъ извѣстно, оказываются либо недостаточными, либо безмѣрно жестокими.

Самоуправленіе профессорской корпораціи вновь поставитъ мѣстныя университетскія власти на ихъ естественную основу, связавъ ихъ съ авторитетомъ наставниковъ.

Насколько это вызывается положеніемъ дѣлъ, видно хотя бы изъ того, что въ случаяхъ, когда хроническое недомоганіе нашихъ университетовъ вызываетъ острые припадки студенческихъ волненій, бюрократическое правленіе обыкновенно признаетъ свою недостаточность и ищетъ нравственной поддержки среди того же самаго состава профессоровъ, которые при обычномъ теченіи дѣлъ никакой роли въ университетѣ не играютъ. Созываются экстренныя собранія Совѣта, составляются обращенія и увѣщанія, можетъ дойти дѣло даже до образованія комиссій для упорядоченія университетской жизни путемъ сношеній съ студентами и т. п. Нечего и говорить, что профессорамъ приходится дѣйствовать въ этихъ случаяхъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, выпутываться изъ положеній, которыхъ они не только не создали, но и болѣе или менѣе открыто не одобряли, бесѣдовать съ разгоряченными студентами о самыхъ больныхъ мѣстахъ университетской жизни, хотя имъ не дано права сноситься съ студентами въ болѣе спокойное время и при разрѣшеніи менѣе жгучихъ вопросовъ. Немудрено, что внезапное появленіе профессоровъ не всегда достигаетъ желаемыхъ результатовъ, но замѣчательно, что оно все-таки признается послѣднимъ средствомъ для успокоенія молодежи, и иногда, какъ, напримѣръ, въ теченіе послѣднихъ безпорядковъ, удается все-таки достигнуть взаимнаго пониманія и выхода изъ невыносимаго положенія.

Прибавимъ еще одно соображеніе, стоящее въ связи съ тѣмъ, что было сказано раньше о необходимости допустить ту или иную организацію студенчества. Совмѣстимы ли эти студенческія организаціи съ бюрократическимъ строемъ университетовъ? Неужели профессора будутъ оставлены на положеніи отдѣльныхъ преподавателей послѣ того, какъ студенты перестанутъ быть отдѣльными слушателями университета? И не ясно ли, что образованіе студенческихъ организацій потребуетъ гораздо болѣе тѣснаго общенія между профессорами и студентами, гораздо болѣе обдуманнаго и объединеннаго воздѣйствія на послѣднихъ, чѣмъ какое могутъ оказать назначенные члены правленія и разрозненные профессора? Допущеніе студенческихъ организацій косвенно наводитъ на необходимость профессорской коллегіи.

Остается вопросъ объ отношеніи университетскаго самоуправленія къ учебному начальству и правительственной власти. Хотя вопросъ этотъ, повидимому, оказалъ значительное вліяніе на проведеніе устава 1884 года, нельзя не выразить недоумѣнія по поводу того, что при-

знано было необходимымъ замѣнить высшее руководство и контроль надъ университетами со стороны учебнаго начальства постояннымъ вмѣшательствомъ послѣдняго въ спеціальныя дѣла университетовъ. Защитники устава 1884 года говорили и писали, какъ будто бы дѣло шло о возстановленіи подорваннаго авторитета правительства, о возвращеніи ему правъ и обязанностей, отъ которыхъ оно было якобы устранено университетской автономіей устава 1863 года. Въ какомъ смыслѣ, однако, можно говорить объ устраненіи или ослабленіи правительства въ Россіи, гдѣ безспорно господствуютъ лишь законъ и порядки, созданные самодержавной волей монарха, гдѣ разница въ организаціи учрежденій сводится лишь къ порученію извѣстныхъ обязанностей тѣмъ или другимъ лицамъ, тѣмъ или другимъ группамъ, но гдѣ всѣ должностныя лица, назначенныя и выборныя, одинаково подчинены Государю и закону? И уставъ 1863 г., и всякій другой уставъ, который проводилъ бы начало самоуправленія университетовъ, не только не могутъ заключать посягательствъ на правительственную власть, но не могутъ и не признать въ самыхъ опредѣленныхъ формахъ право надзора и высшаго завѣдыванія центральной администраціи и ея мѣстнаго органа — попечителя. Мы полагаемъ, что главная опасность у насъ въ Россіи не въ образованіи какихъ-то фантастическихъ республикъ, не признающихъ надъ собой ничьей власти и контроля, а въ преобладаніи канцеляріи, которыя во все вмѣшиваются распоряженіями и указаніями, заваливаютъ себя непосильной работой и отнимаютъ возможность и охоту работать у мѣстныхъ дѣятелей. Можно прямо сказать, что коллегіальное самоуправленіе университетовъ поставитъ ихъ въ болѣе правильныя отношенія къ учебному начальству, вызоветъ болѣе точное исполненіе закона и сознаніе отвѣтственности.

Въ виду этихъ соображеній комиссія предлагаетъ Совѣту ходатайствовать о пересмотрѣ дѣйствующаго устава университетовъ съ цѣлью проведенія въ ихъ управленіи началъ коллегіальности. Разсмотрѣніе отдѣльныхъ статей не можетъ входить въ настоящемъ случаѣ въ задачу комиссіи и совѣта, но, однако, желательно было бы высказать теперь же слѣдующія общія положенія:

1. Попечитель, какъ начальникъ учебнаго округа, является необходимымъ посредникомъ между университетомъ и Министерствомъ, имѣетъ надзоръ за всѣмъ теченіемъ дѣлъ въ университетѣ, наблюдаетъ за неуклоннымъ исполненіемъ законовъ и правительственныхъ распоряженій и принимаетъ въ исключительныхъ случаяхъ, за своей отвѣтственностью, необходимыя чрезвычайныя мѣры. Но редакція статей о попечительской власти въ уставѣ 1884 года дѣлаетъ изъ попечителя какъ бы непосредственнаго начальника университета, ослабляетъ этимъ отвѣтственность и самодѣятельность постоянныхъ университетскихъ властей, подаетъ поводъ къ ненужному вмѣшательству въ университетскій бытъ и обнаруживаетъ какое-то недовѣріе къ намѣреніямъ и правильной дѣятельности университетской организаціи. Желательно возвратить попечителю его роль высшаго начальника и наблюдателя.

2. Если будетъ признано основное положеніе о коллегіальности университетскаго управленія, то необходимымъ его послѣдствіемъ

должно быть предоставленіе Совѣту и факультетамъ права выбирать ректора, проректора и декановъ. Только такія выборныя должностныя лица будутъ пользоваться довѣріемъ товарищей и будутъ служить подходящими руководителями и исполнителями рѣшеній университетской корпораціи. Служебное отношеніе ихъ къ высшему начальству отъ этого не пострадаетъ, такъ какъ самый университетъ подчиненъ этому начальству и всѣ свои права заимствуетъ отъ высшей правительственной власти. Назначеніе должностныхъ лицъ Министерствомъ при коллегіальной организаціи вызоветъ лишь недоразумѣнія, кажущуюся противоположность интересовъ, рознь и отчужденіе тамъ, гдѣ должны господствовать прежде всего солидарность и согласіе.

3. Замѣщеніе профессорскихъ каѳедръ и избраніе преподавателей по отдѣльнымъ частямъ предметовъ составляютъ естественный аттрибутъ профессорской коллегіи. Только при соблюденіи этихъ условій можно ожидать, что вновь вступающіе профессора будутъ приняты, какъ настоящіе товарищи въ коллегію. Съ другой стороны, забота о пополненіи вакансій несомнѣнно касается болѣе всего того преподавательскаго состава, среди котораго образовались вакансіи. Онъ отнесется къ вопросу съ бо̀льшимъ вниманіемъ и съ лучшимъ пониманіемъ мѣстныхъ потребностей, нежели представители центральнаго управленія, на которыхъ лежатъ иныя заботы: предохранять отъ увлеченій и односторонности мѣстныхъ организацій. Поэтому фактически даже при дѣйствіи устава 1884 года все чаще и чаще принимаются во вниманіе желанія факультетовъ, но то, что замѣчается въ настоящее время какъ бы случайно въ разныхъ формахъ и въ разной степени, слѣдовало бы обратить въ постоянный, обусловленный закономъ порядокъ, выяснивъ точно взаимныя отношенія факультетовъ, Совѣта, попечителя и Министерства.

4. По существу дѣлъ, предоставленныхъ вѣдѣнію университетской корпораціи, желательно имѣть въ виду, что всякое дѣйствительное проведеніе начала коллегіальности предполагаетъ участіе коллегіальныхъ органовъ во всѣхъ важнѣйшихъ сторонахъ университетской жизни. Они не должны быть отстранены ни отъ общаго направленія администраціи, ни отъ надзора за хозяйствомъ, ни отъ сношеній съ студентами, ни отъ суда, ни отъ инспекціи, ни отъ руководства учебной работой. Формы вліянія будутъ, конечно, различны и вліяніе это распредѣлится не вполнѣ равномѣрно между различными органами управленія: важно одно, чтобы такъ или иначе весь бытъ университета находился въ соприкосновеніи съ движущимъ началомъ коллегіальной организаціи, чтобы, при ясномъ различіи исполнительныхъ и совѣщательныхъ органовъ, не было въ строѣ учрежденія такихъ областей и уголковъ, которые по своей постановкѣ выдвигались бы изъ общаго строя и составляли контрастъ съ нимъ.

Но какъ бы ни былъ рѣшенъ вопросъ о правахъ или полномочіяхъ университетскаго Совѣта и о выборѣ или назначеніи ректора, даже при бюрократической организаціи университета безусловно необходимо, какъ показалъ опытъ послѣднихъ лѣтъ, расширить вліяніе профессоровъ и Совѣта на студенчество. Объ установленіи „добрыхъ отношеній между студентами и педагогическимъ составомъ

учебнаго заведенія", говоритъ уже министерскій циркуляръ отъ 21-го іюля 1899 г. Этотъ циркуляръ, „признавая полезнымъ учрежденіе научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ", ставитъ ихъ подъ „непремѣнное отвѣтственное руководство профессоровъ". Въ случаѣ разрѣшенія студенческихъ организацій въ той или другой формѣ, участіе отдѣльныхъ профессоровъ въ такомъ руководительствѣ должно принять еще бо̀льшіе размѣры. Но успѣшность такого руководительства требуетъ общаго плана и соглашенія по важнѣйшимъ вопросамъ. А это лучше всего можетъ быть достигнуто посредствомъ особой комиссіи, избираемой Совѣтомъ, которая могла бы быть составлена преимущественно изъ профессоровъ, участвующихъ въ упомянутомъ руководительствѣ. Комиссія должна была бы руководиться инструкціей Совѣта и представляла-бы ему свои отчеты и доклады.

Заключеніе Комиссіи.

На основаніи всего вышеизложеннаго Коммиссія имѣетъ честь представить на усмотрѣніе Совѣта Императорскаго Московскаго Университета слѣдующія заключенія:

1. Главной причиной университетскихъ безпорядковъ послѣднихъ лѣтъ нужно признать усилившуюся среди студентовъ потребность въ товарищескомъ общеніи, выразившуюся въ неразрѣшенныхъ организаціяхъ.

2. Принимавшіяся противъ этого и все усиливавшіяся репрессивныя мѣры лишь сплачивали эти организаціи и усиливали общее недовольство студентовъ университетскими порядками.

3. Какъ для предотвращенія подобныхъ безпорядковъ, такъ и изъ педагогическихъ соображеній необходимо разрѣшить студентамъ вступать въ организаціи, цѣли, кругъ дѣятельности и отвѣтственность которыхъ должны быть опредѣлены особыми данными имъ уставами или инструкціями.

4. Согласно съ этимъ должна быть видоизмѣнена инструкція для инспекціи и сужена компетентность послѣдней.

5. Проступки студентовъ противъ университетскихъ порядковъ и правилъ подлежатъ, если эти проступки могутъ повлечь за собою увольненіе изъ университета и продолжительный арестъ, особому университетскому суду, составленному изъ избираемыхъ Совѣтомъ университета членовъ, частью изъ судебной корпораціи и частью изъ профессоровъ.

6. Упорядоченіе студенческаго быта возможно лишь при увеличеніи вліянія профессоровъ и университетскаго Совѣта на студенчество, будетъ ли это слѣдствіемъ возстановленія прежней автономіи Совѣта, или въ крайнемъ случаѣ спеціальной организаціи, для этой цѣли установленной.

16 мая 1901.

Предсѣдатель Комиссіи *Д. Н. Зерновъ.*

Члены:

В. И. Герье, В. О. Ключевскій, П. Г. Виноградовъ, Н. А. Умовъ, К. А. Андреевъ, В. К. Цераскій, Гр. Л. А. Комаровскій, И. Т. Тарасовъ, М. В. Духовской, А. Б. Фохтъ, А. А. Бобровъ.

Приложенія.

Господину Предсѣдателю Комиссіи для выясненія причинъ студенческихъ волненій и принятія мѣръ къ упорядоченію университетской жизни Заслуженному Профессору Д. И. Зернову.

Г. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа предложеніемъ отъ 2 сего марта, за № 6147, сообщилъ, что, руководствуясь циркулярнымъ предложеніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 21 іюля 1899 г., за № 17 287, объ установленіи общенія между студентами, профессорами и учебнымъ начальствомъ, онъ разрѣшаетъ образовать изъ профессоровъ Университета Комиссію для выясненія причинъ студенческихъ волненій и принятія мѣръ къ упорядоченію университетской жизни.

При этомъ ближайшей задачей Комиссіи должно быть упорядоченіе университетской жизни путемъ точнаго изслѣдованія фактовъ, освѣдомленіе студентовъ и другими законными мѣрами общенія профессоровъ и студентовъ.

Объ изложенномъ имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство и согласно вышеупомянутому предложенію Г. Попечителя Округа, за № 6147, присовокупить, что названная Комиссія должна руководствоваться препровождаемымъ при семъ въ копіи циркуляромъ Министерства за № 17 287.

Ректоръ А. Тихомировъ.
Секретарь Совѣта Н. Рыбниковъ.

Циркуляръ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 21 іюля 1899 г., за № 17287, по вопросу объ установленіи желательнаго общенія между студентами, профессорами и учебнымъ начальствомъ.

Правительственное сообщеніе отъ 25 мая сего года указываетъ на разобщенность студентовъ между собою, съ профессорами и учебнымъ начальствомъ, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ, содѣйствующихъ возникновенію и распространенію студенческихъ безпорядковъ.

Руководствуясь симъ указаніемъ, созванное подъ моимъ предсѣдательствомъ въ іюнѣ текущаго года совѣщаніе попечителей учебныхъ округовъ и начальниковъ высшихъ учебныхъ заведеній подвергло всестороннему обсужденію вопросъ объ установленіи желательнаго общенія между студентами, профессорами и учебнымъ начальствомъ. Принявъ въ соображеніе заключенія, къ коимъ пришло совѣщаніе, я останавливаюсь на слѣдующихъ мѣрахъ.

1. Общеніе между студентами и профессорами естественнымъ образомъ можетъ и должно происходить на почвѣ учебныхъ потребностей. Способствуя правильному развитію и образованію молодыхъ людей и поддерживая въ преподавателяхъ энергію и живой интересъ къ ихъ трудному и отвѣтственному дѣлу, такое общеніе облегчаетъ въ то же время и разрѣшеніе практическихъ вопросовъ, вызываемыхъ учебными потребностями, каковы, напримѣръ, изданіе лекцій, выборъ и пріобрѣтеніе того или другого учебника или учебнаго пособія, распредѣленіе практическихъ занятій, составленіе расписанія экзаменовъ и тому подобное. Оно, кромѣ того, безъ осложненій и рѣзкихъ проявленій устраняетъ различнаго рода недоразумѣнія, возникающія въ ходѣ учебной жизни. При близкихъ и добрыхъ отношеніяхъ между студентами и педагогическимъ составомъ учебнаго заведенія всѣ такого рода вопросы и недоразумѣнія разрѣшаются непосредственными объясненіями профессора со своею аудиторіей или, въ подлежащихъ случаяхъ, учебнаго начальства, ректора, директора, декана, инспектора или его помощника съ отдѣльнымъ курсомъ или заинтересованною группой студентовъ, при чемъ какая-либо регламентація этихъ естественныхъ взаимныхъ отношеній является совершенно излишнею.

Придавая по указаннымъ основаніямъ важное значеніе тѣсному общенію профессоровъ и студентовъ на почвѣ учебныхъ занятій, покровительствуемому дѣйствующими уставами и основанными на нихъ правилами высшихъ учебныхъ заведеній, я признаю необходимымъ, чтобъ учебное начальство сихъ заведеній содѣйствовало всѣми зависящими отъ него способами развитію и укрѣпленію такого рода

общенія. Однимъ изъ лучшихъ способовъ для достиженія желаемой цѣли я считаю широкую организацію практическихъ занятій, насколько то дозволяютъ существующія условія. Такъ какъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно на медицинскихъ, физико-математическихъ и историко-филологическихъ факультетахъ университетовъ практическія занятія и до настоящаго времени были обязательны для всѣхъ студентовъ по самому существу изучаемыхъ ими отраслей знанія, то здѣсь необходимо лишь обратить вниманіе на возможное расширеніе и правильную постановку названныхъ занятій и на то, чтобы каждый учащійся принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. Что же касается юридическихъ факультетовъ, то деканы оныхъ, по обсужденіи вопроса въ факультетскихъ собраніяхъ, должны озаботиться введеніемъ практическихъ занятій на всѣхъ курсахъ, на коихъ они не существовали ранѣе. Разумѣется, при началѣ дѣла слѣдуетъ соблюдать благоразумную постепенность, но, во всякомъ случаѣ, обязательныя для всѣхъ студентовъ практическія занятія должны быть организованы въ наступающемъ осеннемъ полугодіи. Со своей стороны, Министерство Народнаго Просвѣщенія озаботится доставленіемъ, по мѣрѣ возможности, необходимыхъ средствъ для веденія сихъ занятій.

Не перечисляя другихъ способовъ взаимнаго общенія между учащими и учащимися, подсказываемыхъ ихъ вседневными отношеніями, не могу не выразить при этомъ полной увѣренности, что преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній, принимая къ сердцу интересы своихъ слушателей, съ готовностью пойдутъ навстрѣчу къ сближенію съ ними, въ сознаніи, что тотъ преподаватель, который ограничиваетъ свою преподавательскую дѣятельность только чтеніемъ лекцій въ положенные часы, а не входитъ въ духовные интересы и нужды учащихся, не сближается съ ними на этой почвѣ и не руководитъ ихъ неокрѣпшей мыслью, исполняетъ лишь малую долю своихъ обязанностей, возлагаемыхъ на него высокимъ призваніемъ профессора.

2. Далѣе, для установленія желательнаго общенія между студентами и педагогическимъ составомъ высшихъ учебныхъ заведеній, я нахожу полезнымъ учрежденіе подъ непремѣннымъ отвѣтственнымъ руководствомъ профессоровъ, научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ, въ засѣданіяхъ которыхъ могли бы читаться и обсуждаться студенческіе рефераты по научнымъ и литературнымъ вопросамъ. Точно такъ же я признаю допустимымъ, подъ отвѣтственностью избраннаго учебнымъ начальствомъ руководителя, учрежденіе студенческихъ хоровъ и оркестровъ для тѣхъ молодыхъ людей, которые интересуются пѣніемъ и музыкой. Учреждая студенческіе кружки, хоры и оркестры, необходимо, однако, дать имъ такое устройство, которое обезпечивало бы достиженіе ихъ непосредственныхъ цѣлей и не допускало бы ихъ вырождаться въ организаціи, не терпимыя въ учебныхъ заведеніяхъ. Съ этою цѣлью, между прочимъ, численный составъ предположенныхъ студенческихъ обществъ долженъ быть строго соображенъ съ возможностью для каждаго члена принимать активное и серьезное участіе въ дѣятельности своего кружка, при чемъ выборъ умѣлыхъ и твердыхъ руководителей, которые могли бы вдохнуть жизнь въ эти общества и удержать ихъ въ требуемыхъ границахъ, долженъ составлять предметъ особой заботливости учебнаго начальства. Въ виду ожидаемой пользы отъ устройства указанныхъ студенческихъ обществъ, нѣкоторая часть спеціальныхъ средствъ учебнаго заведенія могла бы быть удѣляема на ихъ поддержаніе.

3. Наконецъ, наиболѣе цѣлесообразную мѣру для установленія желательнаго общенія студентовъ между собою, съ профессорами и учебнымъ начальствомъ я вижу въ устройствѣ правильно поставленныхъ студенческихъ общежитій. Избавляя молодыхъ людей, покидающихъ свои семьи, отъ заботъ о квартирѣ и столѣ и ограждая ихъ отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній и соблазновъ чужого города, эти общежитія, при надлежащей ихъ организаціи, даютъ широкій просторъ для взаимнаго сближенія учебнаго начальства, учащихъ и учащихся и представляютъ наилучшія условія для научныхъ занятій, въ особенности, если руководство этими занятіями принимаютъ на себя преподаватели. На устройство студенческихъ общежитій правительство имѣетъ въ виду отпустить весьма крупныя суммы; было бы желательно, чтобъ и мѣстныя общества пришли на помощь благому дѣлу своими пожертвованіями. Съ этою цѣлью могли бы быть образованы особые комитеты изъ профессоровъ и представителей мѣстнаго общества, подъ предсѣдательствомъ Попечителя учебнаго округа.

Что касается курсовыхъ или иныхъ студенческихъ организацій, съ выборными представителями, депутатами или старостами, то, слѣдуя указаніямъ опыта и въ полномъ согласіи съ заключеніями названнаго выше совѣщанія, я признаю ихъ не

только излишними, но и вредными для спокойнаго теченія академической жизни, составляющаго необходимое условіе успѣшнаго хода учебныхъ занятій.

Сообщая объ изложенномъ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство озаботиться возможнымъ осуществленіемъ рекомендуемыхъ мною мѣръ и въ надлежащихъ случаяхъ представлять на мое утвержденіе правила студенческихъ обществъ, упоминаемыхъ во второмъ пунктѣ сего циркуляра.

Вѣрно: *Секретарь Совѣта Н. Рыбниковъ.*

Къ вопросу о свободѣ слушанія въ университетѣ.

Въ общемъ укладѣ университетской жизни учебная часть имѣетъ первенствующее значеніе. Порядокъ или непорядокъ въ университетѣ обусловливается въ значительной степени удовлетворительною или неудовлетворительною постановкою этой части. Чтобы имѣть опредѣленное представленіе о томъ, въ какомъ видѣ это дѣло можно считать удовлетворительно поставленнымъ, нужно прежде всего задать себѣ вопросъ, что долженъ давать университетъ поступающимъ въ него молодымъ людямъ во время ихъ 4-хъ или 5-тилѣтняго прохожденія курса. Въ общемъ на этотъ вопросъ можно отвѣтить слѣдующимъ образомъ: молодые люди должны получать въ университетѣ научныя познанія, пріобрѣсти навыкъ въ умственной дѣятельности и усовершенствовать себя въ нравственномъ отношеніи. Если съ одной стороны слѣдуетъ признать, что никакія другія задачи на университеты возлагаемы быть не могутъ, то съ другой невозможно полагать никакихъ искусственныхъ преградъ и ограниченій для возможно полнаго осуществленія названныхъ задачъ. На дѣлѣ, однако, приходится считаться съ тѣми условіями, какъ внѣшними, такъ и внутренними, при которыхъ учебное дѣло университета совершается. Только при вниманіи къ этимъ условіямъ дѣло это можетъ быть достаточно жизненнымъ и плодотворнымъ. Главными указателями въ этомъ отношеніи являются, во-первыхъ, запросы времени и интересы государства, а, во-вторыхъ, индивидуальныя склонности и потребности самихъ учащихся. Едва ли нужно останавливаться на значеніи указаній перваго рода, такъ какъ они, если можно такъ выразиться, сами себя оправдываютъ; что же касается вторыхъ, т. е. личныхъ интересовъ учащихся, то этотъ предметъ требуетъ, по нашему мнѣнію, серьезнаго разсмотрѣнія и справедливой оцѣнки.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что всѣ безъ исключенія поступающіе въ студенты университета имѣютъ искреннее желаніе пріобщить себя къ свѣту науки и усвоить себѣ силу ума и знанія. Но при всемъ томъ ихъ личныя цѣли часто весьма расходятся. Одни, одаренные отъ природы пытливымъ умомъ и склонностью къ самостоятельному научному труду, ищутъ познаній для познаній, другіе видятъ въ знаніяхъ силу, необходимую для жизненной борьбы и пріобрѣтенія благъ матеріальныхъ, третьи проходятъ черезъ университетъ ради диплома и преимуществъ, получаемыхъ чрезъ это въ общественномъ положеніи и на службѣ, наконецъ, четвертые желаютъ пройти университетскій курсъ только для расширенія своего умственнаго кругозора, такъ какъ сознаютъ скудость умственнаго и нравственнаго багажа, вынесеннаго ими изъ гимназій. Можно ли сказать, что это различіе стремленій слѣдуетъ считать явленіемъ ненормальнымъ и нежелательнымъ, что ему нужно противодѣйствовать и всѣмъ безъ исключенія студентамъ, проходящимъ одни и тѣ же курсы, указывать одни и тѣ же пути и вести ихъ по однимъ и тѣмъ же научнымъ этапамъ, отнюдь не позволяя разбредаться? Очевидно, что нѣтъ. Такая нивеллировка противна самому существу университетскаго, т. е. научнаго образованія, которое можетъ быть пріобрѣтаемо, и по мѣрѣ пріобрѣтенія становится само стимуломъ для дальнѣйшаго умственнаго усовершенствованія, только самостоятельнымъ умственнымъ трудомъ при непосредственномъ воздѣйствіи на учащагося его личнаго интереса. Университетское преподаваніе раскрываетъ сокровищницу наукъ для всѣхъ, но черпать изъ нея всякій воленъ соразмѣрно своему желанію и силамъ. Странно заставлять совершенствоваться въ пріемахъ научныхъ изысканій всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ получить только свѣдѣнія объ этихъ пріемахъ и вовсе не готовитъ себя въ дѣятели на томъ поприщѣ, на которомъ эти пріемы могутъ найти примѣненіе. Еще болѣе странно заставлять молодыхъ людей съ серьезнымъ научнымъ направленіемъ, уже успѣвшихъ усвоить себѣ самостоятельною работою нѣкоторые навыки и интересъ въ той или другой научной спеціальности, неукоснительно участвовать во всѣхъ упражненіяхъ общаго характера, предназначающихся для болѣе слабыхъ.

Да и какая цѣль можетъ быть достигнута нивеллированіемъ студентовъ въ образѣ и порядкѣ ихъ занятій? Было бы ошибочно думать, что этимъ можетъ быть повышена степень дѣловитости студентовъ или расширенъ кругъ серьезно интересующихся наукою. Насильно сдѣлать человѣка дѣловитымъ нельзя и всего менѣе въ области труда интеллектуальнаго. Возможны и желательны, конечно, поощренія и руководительство, но и они осуществимы только тамъ, гдѣ есть хотя слабое проявленіе личнаго интереса. Принудительныя же мѣры для людей сильныхъ волею вовсе не нужны, а въ слабовольныхъ способны уничтожить личный интересъ даже и тогда, когда онъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ могъ бы быть вызванъ. — Было бы ошибочно также думать, что установленіемъ для студентовъ тѣсныхъ рамокъ занятій и введеніемъ ихъ въ эти рамки безъ различія индивидуальностей можно уберечь ихъ отъ тѣхъ заблужденій или соблазновъ, которые приводятъ къ массовымъ безпорядкамъ, или, по крайней мѣрѣ, можно облегчить надзоръ за ихъ поведеніемъ. Опытъ прошедшаго времени ясно доказываетъ совершенно противное. Да и можно ли ждать, чтобы какой-нибудь порядокъ занятій, установленный не ради одного только прямого ихъ назначенія, а съ побочными цѣлями, не подрывалъ въ глазахъ занимающихся довѣрія къ значенію этихъ занятій и не вызывалъ съ ихъ стороны протестовъ и противленія?

Все говоритъ, такимъ образомъ, что университетской наукѣ не свойственно подведеніе обучающихся подъ одинъ уровень и что свобода посѣщенія лекцій и практическихъ занятій необходимо должна быть признана, какъ это имѣетъ мѣсто во всѣхъ германскихъ университетахъ.

Въ какихъ же конкретныхъ формахъ можетъ быть допущена эта свобода? Понятно, что свобода вовсе не означаетъ отсутствіе системы и безконтрольность. Факультетами должны быть выработаны и установлены на опредѣленное время планы занятій для студентовъ. Руководителями занятій должны быть, конечно, профессора и ихъ помощники. Это руководительство не должно, однако, имѣть характеръ принужденія и отнюдь не требовать повседневнаго наблюденія за дѣятельностью и успѣхами учащихся, какъ это имѣетъ мѣсто въ средней школѣ. Въ занятіяхъ науками можно руководить только тѣхъ, кто самъ занимается, и профессора могутъ давать только указанія, рекомендовать темы для упражненій и предостерегать отъ непослѣдовательности и могущей произойти отъ нея напрасной траты времени и силъ. Черезъ опредѣленные сроки, напр., черезъ годъ или полгода, руководители могутъ и должны аттестовать руководимыхъ съ цѣлью такъ называемыхъ зачетовъ, т. е. констатировать достаточную успѣшность занятій предыдущихъ, чтобы перейти къ предметамъ занятій послѣдующимъ въ порядкѣ, опредѣляемомъ планомъ. Такія аттестаціи должны имѣть въ виду исключительно пользу студентовъ въ дѣлѣ усвоенія ими познаній и никоимъ образомъ не должны служить для подраздѣленія ихъ на дѣльныхъ и недѣльныхъ, надежныхъ и ненадежныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ неизбѣжно возникнетъ открытая борьба со всѣми ея темными и вредными послѣдствіями: фальшью съ одной стороны, и обидною подозрительностью съ другой, сплоченностью руководимыхъ и тихо скрываемой безпомощностью руководителей и, въ концѣ концовъ, утратою взаимнаго довѣрія и уваженія. Само собою разумѣется, что и въ прямомъ своемъ назначеніи аттестаціи должны быть основываемы на требованіяхъ минимальныхъ, чуждыхъ придирчивости и педантизма, и обусловливаемыхъ явною необходимостью.

Что же касается занятій студентовъ внѣ зависимости отъ такихъ аттестацій, т. е. по собственному побужденію и интересу къ наукѣ, то они всегда составляли и будутъ составлять самое существенное дѣло университета. Отъ успѣшности этихъ занятій зависитъ степень выполненія университетомъ его прямого назначенія и въ нихъ лежатъ задатки его процвѣтанія. Понятно, что здѣсь помощь и руководительство профессоровъ во всякой формѣ и при всякомъ случаѣ полезны и желательны.

Свобода занятій студентовъ, т. е. отсутствіе принудительныхъ мѣръ въ связи съ благожелательнымъ руководительствомъ со стороны профессоровъ, есть то, что ставитъ университетскую жизнь въ наиболѣе нормальныя условія. При этихъ условіяхъ лучшія чувства и нравственныя побужденія не возмущаются раздраженіемъ оскорбленнаго самолюбія, уваженіе къ дѣлу и людямъ находитъ почву для своего развитія и роста, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно возрастать и уваженіе къ порядку и сознаніе его необходимости.

Въ предыдущемъ говорилось о занятіяхъ студентовъ въ области, такъ сказать, факультетской, т. е. по избранной спеціальности и соотвѣтственно рекомендованному плану. Но предѣловъ любознательности человѣческаго ума строго провести

нельзя, ссылка же на вредъ разбрасыванія вниманія далеко не всегда можетъ считаться основательною. Напротивъ, перемѣна направленія умственной дѣятельности можетъ быть признана полезною въ видахъ избѣжанія переутомленія. Мы видимъ повседневно, что массы людей самыхъ разнообразныхъ профессій стекаются для слушанія публичныхъ лекцій, побуждаемые не чѣмъ инымъ, какъ желаніемъ узнать и научиться, желаніемъ достойнымъ и уваженія, и поощренія. Нѣтъ, поэтому, ничего неестественнаго и въ какомъ-либо отношеніи непозволительнаго въ желаніи молодыхъ людей въ пору ихъ студенчества воспользоваться возможностью прослушать нѣсколько лекцій изъ области, не относящейся къ избранному плану занятій, и тѣмъ, хотя бы и поверхностно, содѣйствовать расширенію своего кругозора и общему образованію. Кто изъ лицъ теперь уже не молодыхъ и близкихъ, быть можетъ, къ концу своего поприща можетъ пожалѣть, что во дни своего студенчества, не будучи историкомъ, прослушалъ нѣсколько лекцій Соловьева или Грановскаго? Зачѣмъ же считать недозволительнымъ то, въ чемъ есть несомнѣнная польза и что, при правильной постановкѣ дѣла, не можетъ принести никакого вреда?

Желательно поэтому, чтобы студенты имѣли доступъ къ слушанію лекцій, не относящихся къ избранной ими спеціальности, при единственномъ, разумѣется, условіи не мѣшать тѣмъ, для кого эти лекціи собственно предназначаются. Устроить дѣло такъ, чтобы этой помѣхи не было, практически вовсе не трудно, а, между тѣмъ, этимъ устранилась бы еще одна изъ причинъ совершенно напраснаго раздраженія молодежи и еще болѣе сглаживалась бы арена, на которой свѣжія общественныя силы призваны получать задатки для своей будущей умственной дѣятельности.

К. Андреевъ.